

ИСКРКА

11 НОЯБРЬ
1985

*«... Нет
красивее
Ленинграда
моего!»*

Александр Дейнека „Левый берег“ 1941 г.

*Александр Дейнека „Великое начало“ 1962 г.
[фрагмент]*

Г. ЧЕРНЕНКО

Рис. Л. Уральской

Эти удивительные роботы

С давних времён маленькая страна Швейцария славилась своими часами. Уж если кто говорил, что у него швейцарские часы, то ничего и добавлять не надо было. Всем становилось ясно: часы отличные.

Было в Швейцарии немало умелых мастеров-часовщиков, но самым лучшим из них считался Пьер Дро. Не одну сотню часов собрал он за свою жизнь: больших и маленьких, обыкновенных и особенных. А потом надоело ему заниматься часами, решил он создать... механического человека. Много времени и сил потратил Пьер Дро, пока своего добился. Произошло это больше двухсот лет тому назад.

Представьте себе темноволосого курчавого мальчика. Он сидит на табурете за маленьким столиком и держит в руке гусиное перо (стальные перья тогда ещё не были изобретены). Мальчик макает перо в чернильницу и выводит слова.

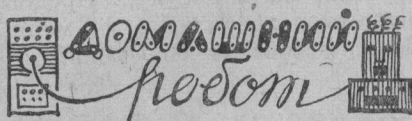
Те, кому Пьер Дро показывал своего железного «мальчика» без одежды, видели, какой это сложный автомат, сколько в нём разных колёсиков, рычагов, рычажков. В движение он приводился пружиной — как часы. Да и весь механизм напоминал часовой.

Вслед за писцом смастерил Дро автоматического рисовальщика. Тут ему помогал его сын Анри — тоже замечательный мастер. Затем появилась механическая музыкантша.

Швейцарским мастерам стали подражать. Во Франции был создан железный «флейтист», ростом со взрослого человека. В Германии — механический «трубач». Железных «людей» строили и позже. Строят до сих пор, даже ребята.

На одной выставке я видел такого робота. Симпатичный. Зовут — РЭМ. Он давал объяснения посетителям выставки. Голос звонкий. Чуть кто из ребят расшумится, РЭМ замолкал, а потом вежливо просил: «Пожалуйста, не шумите».

А робота Протона Электронovichа создали ребята города Курска. Он весёлый. Танцует. Водит хороводы. И даже подмигивает тем, кто ему особенно нравится.

В квартире калужского инженера Бориса Николаевича Грипина уже много лет живёт АРС — автоматический радиоэлектронный секретарь. А попросту говоря — робот. Высокий, широкоплечий, головастый.

Борис Николаевич создавал его несколько лет. Устроен АРС не просто. Он состоит из двадцати тысяч деталей, так что внутри робота всё опутано проводами.

Рабочий день АРСа начинается рано. Первым делом он в точно заданное время будит хозяина. Затем включает магнитофон, на ленте которого записана утренняя зарядка. Когда после зарядки инженер садится завтракать, робот коротко, но чётко напоминает, какие неотложные дела его ждут.

АРС остаётся дома один, но скучать ему некогда. Вот раздался телефонный звонок.

— АРС слушает. К сожалению, Гришина нет дома. Я — его электронный секретарь. Если вам нужно что-то передать, говорите, я запишу.

Вечером, когда вернётся инженер, робот доложит ему обо всех телефонных звонках. А запомнить он может до тридцати телефонных разговоров.

В обязанность робота входит также поддерживать в квартире постоянную температуру и регулярно проветривать комнаты. АРС умеет включать и настраивать телевизор. Его можно попросить позвонить на вокзал и узнать, когда отправляется поезд. Если появится необходимость, он вызовет на дом врача. А случись пожар, позвонит в пожарную охрану.

Это очень способный робот. И с каждым годом он становится всё более умелым и знающим. Конечно, с помощью своего создателя — инженера Гришина.

Такие роботы в недалёком будущем придут, наверное, почти в каждую квартиру. Станут натирать полы, стирать и гладить бельё, готовить обед, мыть посуду... Представляешь, сколько у тебя, у меня, у всех нас освободится времени!

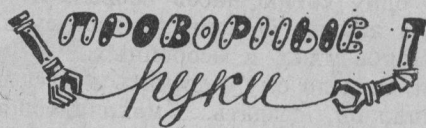
*а? почему
они появились?*

Хорошо иметь домашних роботов. Но они ещё нужнее на заводах и фабриках.

Однажды я видел на большом заводе, как молодой рабочий делал детали. Он стоял у печи, брал длинными клещами раскалённую деталь, ставил под пресс и нажимал на педаль. Пресс ударял по детали, и на ней появлялось утолщение. Рабочий бросал готовую деталь в металлический ящик и снова поворачивался к печи. Снова брал клещами раскалённую докрасна железку и ставил её под пресс. Удар — и готовая деталь летела в ящик.

Работа была утомительной и однообразной. С ней легко мог бы справиться и робот. Позже я узнал, что так и произошло: здесь поставили робота, а молодой рабочий занялся более сложным и более интересным делом.

Я привёл лишь один пример. Но на любом заводе и фабрике нужны грузчики, подавальщики, подносчики. Есть цехи, где работа — грязная, шумная, а делать её необходимо. В таких цехах роботы требуются в первую очередь. Им не страшны ни жара, ни холод, ни ядовитые испарения. Роботы не знают усталости. Они могут трудиться по многу часов без перерыва, выполняя самую тяжёлую и нудную работу.

Но на людей заводские роботы совсем не похожи. Да это и не нужно.

Тумба. На ней укреплена рука с механическими пальцами. Рука должна поворачиваться, сгибаться, сжимать и разжимать пальцы, уметь держать инструмент.

Обычно хватает одной руки. Но бывают и двурукие, трёхрукие и даже четырёхрукие роботы. Всё зависит от того, какую работу им приходится выполнять. Для простой работы и одной руки достаточно. Для сложной — и трёх мало.

Понаблюдай как-нибудь за своими руками. Какие они подвижные, гибкие. Какие сложные и тонкие

В жизни нашей страны наступило время глубоких перемен — мы готовимся к проведению очередного XXVII съезда Коммунистической партии. В стране идёт напряжённая работа, потому что предстоящему съезду нужно будет принять очень важные для нашего общества документы: новую редакцию Программы КПСС — сейчас проходит её всенародное обсуждение, рассмотреть изменения в Уставе КПСС, а также предстоит утвердить Основные направления экономического и социального развития СССР на двенадцатую пятилетку и на период до 2000 года.

Очерком Геннадия Черненко «Эти удивительные роботы» журнал открывает новую рубрику, которую мы назвали — «Как сегодня строят завтра». В ней будут печататься материалы, рассказывающие об экономической стратегии партии — об интенсификации производства и ускорении научно-технического прогресса.

движения могут совершать. Недаром говорят, что человеческая рука — это чудо природы. Конструкторы роботов ещё только мечтают о механической руке, которая была бы такой же подвижной и ловкой.

А пальцы? У человека они чувкие, цепкие. Своими пальцами мы и твёрдый камень поднимем, и нежный помидор возьмём.

Роботам тоже приходится выполнять самые разные поручения. Бывает, нужно переносить железные, очень прочные детали. Такие, что дави — не раздавишь. А случается брать хрупкие вещи, вроде электрических лампочек. Тут нужно действовать совсем по-другому — осторожно, нежно.

Инженеры поняли, что искусственные пальцы, годные для всякой работы, пока не создать, и решили сделать несколько видов пальцев. Их можно менять, как меняются щётки у пылесоса. И теперь разновидностей механических рук столько, что пальцев на двух твоих руках не хватит, чтобы все перечислить.

Есть могучие клешни для переноса деталей весом в несколько тонн. Есть присоски, похожие на хобот слона. С их помощью можно поднимать листы стекла. А есть искусственные пальчики, тонкие, как усики. Это для роботов, имеющих дело с крохотными радиодетальками.

Наши руки приводятся в движение мышцами. Значит, и роботы должны иметь свои мышцы.

У большинства роботов мышцы воздушные. Да, да, не удивляйся.

В механизмы руки подаётся сжатый воздух, и рука под его напором двигается. У других роботов мускулы водяные. Тут используется сила воды. У третьих — электрические.

Руки нужно к чему-то прикрепить. Значит, роботу необходимо туловище — прочная тумба. О красоте здесь особенно заботиться не надо. Главное, чтобы было прочно и надёжно.

Если робот предназначен для «сидячей» работы, ноги ему, конечно, не требуются. Но есть роботы, которым надо двигаться, перебираться с места на место. Тогда к туловищу приделывают колёса или гусеницы. И только в редких случаях это действительно ноги, шагающие почти как наши.

Но самое главное я ещё не назвал. Главное в работе — его «мозг». Понятно, он совсем не такой, как у людей. Мозгом роботу служит электронно-вычислительная машина. Это она указывает, в какую сторону роботу протянуть руку, когда сжать пальцы, в каком месте сделать сварной шов, куда направить струю краски. А машина знает это потому, что заранее получила задание и крепко хранит его в своей электронной памяти.

РОБОТ С УШАМИ и глазами

Как ты считаешь, простая это работа: взять книгу и переложить её на другое место?

— А что тут сложного? — отвечаешь ты.

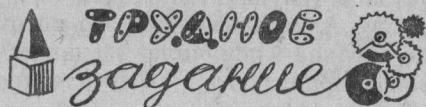
Для нас это действительно просто. Для робота — очень сложно.

Прежде чем взять какой-нибудь предмет, нужно его увидеть, отличить от других, лежащих рядом. Подвести к нему руку. Решить, как удобнее всего брать. Взять с такой силой, чтобы не уронить и не слишком сильно сжать.

Первые роботы делать этого не умели.

Допустим, робот должен переносить детали со станка на станок. Повернётся робот, возьмёт деталь. Снова повернётся, переложит. И так безостановочно... И вдруг одна деталь оказалась немного сдвинутой в сторону. Ткнёт робот свою руку как раз туда, куда надо, а там ничего нет. Схватит рука воздух и возвратится ни с чем. Найти пропавшую деталь такой робот не сможет. Инженеры шутили, что у первых роботов ума было не больше, чем у насекомого — у какого-нибудь жука или комара.

Мы почему не натыкаемся на стулья, на деревья? Потому что у нас есть органы чувств — зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Вот и робот должен иметь свои органы чувств, подобные человеческим. Нет, даже более тонкие! Его можно снабдить такими чувствами, которыми человек не обладает. Например, он сможет улавливать радиоволны, как их улавливают радиоприёмник или телевизор. Сможет чувствовать притяжение магнита! Сможет видеть в темноте!

Я хочу рассказать тебе, как я встретился с таким роботом. Это было в институте, где учёные создают роботов.

Захожу в большую комнату и вижу такую картину — висит рука. Железная рука, прикреплённая к по-

толку, шевелит железными пальцами! Ни головы, ни ног, ни туловища у робота не было.

А где же помещается его мозг?

Мне объяснили, что — в шкафу, стоящем в дальнем углу комнаты. Только теперь я заметил провода, которые тянулись от руки к шкафу.

Роботу дали первое задание: собрать разбросанные по столу кубики и сложить их в коробку.

Рука начала поиск. Она слегка дрожала, будто нервничала. Нашла. Остановилась. Осторожно взяла кубик и отправилась искать коробку. Над коробкой пальцы разжались. Кубик упал, а рука опять ушла на поиск.

Задачу усложнили. На пути руки ставят «забор» — шахматную доску. Но робота этим не смутить. Рука подошла к клетчатой стенке совсем близко, вот-вот ударится. Нет, у самой доски — раз! — поднялась и перешагнула через доску.

Потом робот собрал пирамидку из разноцветных кружочков. Разыскал их и нанизал на колышек. Не в беспорядке нанизал, сначала самый большой кружочек надел. Затем — кружочек поменьше. И так до самого верха.

Как же роботу удаётся справиться с такими сложными заданиями? Секрет ты уже знаешь. Каждый палец его руки, каждый сустав снабжён чувствительными приборчиками. Коснулась рука какого-нибудь предмета, и в электронный мозг робота летит сигнал: впереди препятствие. А мозг решает, как поступить.

Да можно руке и не прикасаться. Приборчики на пальцах чувствуют препятствие на расстоянии.

Есть у робота и электронные глаза. Он видит, где находятся кубики, даже если они разбросаны в беспорядке.

Такому роботу можно поручить очень ответственную работу, например, сборку сложных механизмов. И он это будет делать уверенно. Расставлять детали строго по местам не потребуются. Робот найдёт любую из них.

П **СОВСЕМ** Умный робот

А есть уже роботы думающие, рассуждающие. С ними можно поговорить. С некоторыми — даже на человеческом языке.

На заводах их пока нет. Они ещё испытываются в научных лабораториях.

Вот послушай, какой разговор состоялся однажды между учёным и таким умным роботом.

Учёный: «Прошу пододвинуть ко мне куб ровно в три часа дня».

Робот: «Но в комнате — два куба, большой и маленький».

Учёный: «Тот, который поменьше».

Наступило три часа.

Робот: «Я выполнил задание».

Учёный: «Благодарю».

Разговор этот я не выдумал. Собеседником учёного был рассуждающий робот. На вид он — некрасивый. Безногий, безрукий. Туловище — небольшой шкафчик. Наверху что-то вроде головы с телевизионным глазом. Передвигается на четырёх колёсиках.

Но зато он всегда знает, в какой части комнаты находится, какие предметы вокруг него расставлены. А самое главное, может обдумать, как ему поступить, как действовать, понимает приказы.

МАСТЕРА на все руки

Сколько же сейчас роботов во всём мире? Целая армия. Более ста тысяч!

Теперь никто не удивляется, когда слышит: на таком-то заводе трудятся роботы-сварщики, а на таком-то — роботы-маляры.

Больше всего железных работников на автомобильных заводах. Там они чаще всего строят и красят автомобили. Но делать они могут и очень многое другое.

В Японии создан робот-пожар-

ный. Ему не страшны ни жар, ни едкий дым. Он первым бросается в огонь. Может своими железными руками растащить упавшие балки, вынести из горящего дома людей и вещи, потушить пламя.

Немецкие инженеры построили робота-портного. Он кроит мужские костюмы. И делает это значительно быстрее человека. Чтобы раскроить костюм, ему требуется всего одна минута.

А на московском заводе «Хромотрон» роботы помогают делать экраны для цветных телевизоров. Пока экран изготавливается, его много раз нужно перенести с места на место, перевернуть, установить. А каждый из них весит немало. Раньше это делалось вручную. Теперь — при помощи роботов.

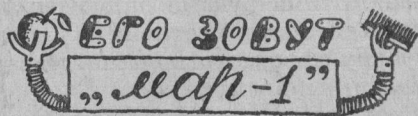
На другом московском заводе, хлебном, робот помогает печь хлеб.

А в городе Петродворце, под Ленинградом, на часовом заводе роботы собирают наручные часы, которые всегда и везде делались только вручную. За длинным конвейером, движущейся дорожкой, сидели сотни работников и, глядя в микроскопы, ставили в часы маленькие колёсики, заворачивали крохотные винтики.

— Ничего у вас не получится, — говорили старые часовщики инженерам, когда те решили научить часовому делу роботов.

Но инженеры со своим делом справились. Часы у роботов получаются отличные.

Даже представить трудно, как много часов на этом заводе собирают теперь роботы. Около четырёх миллионов штук в год! В шесть раз больше, чем раньше. Двести роботов заменили восемьсот рабочих. Выходит, что каждый из них работает за четверых!

Но если роботы так успешно трудятся на заводах, то, наверное, они смогут не хуже работать и на

животноводческих фермах, на полях, в садах. Почему бы не поручить им ухаживать за коровами и телятами, убирать капусту, собирать яблоки?

Так думали инженеры. Но осуществить это оказалось очень и очень сложно.

На заводах роботы имеют дело с машинами, с металлическими деталями. А на ферме? Там робота окружают живые существа: коровы и телята, свиньи и поросята, овцы и ягнята. У каждого свой характер, свои привычки. Каждому нужны ласка, внимание. А как осторожно надо обращаться с растениями, чтобы не повредить их, не поломать!

Понятно, что научиться всему этому может только очень умный, очень сложно устроенный робот.

Такого робота советские инженеры создали. Ростом он с высокого человека. Ездит на колёсах. К туловищу его прикреплены две руки с пальцами, похожими на человеческие. Да и фигурой робот МАР-1 похож на человека.

Инженеры рассудили так: пусть робот будет иметь человекоподобный вид. Тогда животные скорее к нему привыкнут. И пусть робот будет и по натуре добрый, чтобы умел приласкать, успокоить животное, дать ему при необходимости лекарство.

Этот замечательный робот трудился на ферме не хуже настоящего животновода. Осматривал коров. Измерял у них температуру. Раздавал корм. Убирал в коровниках.

Есть уже робот — овечий парикмахер. У него ни много ни мало — восемь рук. Иначе ему не справиться. Четырьмя он держит овцу за ноги. Пятой — за голову. Шестой и седьмой — стрижёт. А восьмой — убирает шерсть.

Придуман и робот — сборщик яблок. Руки его — гибкие, как хобот у слона. Этими руками он может пробираться между ветками в самую глубину кроны, дотянуться до само-

го удалённого яблока и сорвать его. Он должен будет отличать спелое яблоко от незрелого, определять, что внутри плода сидит червячок.

4000-завод

Очень хочется заглянуть в будущее, и хотя волшебного стёклышка у нас нет, всё же представить завод будущего — можно.

Людей здесь очень мало. Всего около ста человек. Это днём. А ночью завод почти безлюден, хотя работа не прекращается ни на минуту. За её ходом в ночные часы наблюдает один человек. Дежурный.

И всё же это ещё не полный завод-автомат. Совсем без людей он обойтись не может.

Вот инженеры и решили: пусть в конструкторских бюро заводов-автоматов тоже не будет людей. Пусть и там работают только электронно-вычислительные машины и роботы.

Тогда действительно получится полный завод-автомат, завод-робот. Где всё-всё будет производиться автоматически.

Наверное, заводы-автоматы опустятся под землю и даже, возможно, на дно морей. Зачем же занимать сушу? Пусть земля останется для прекрасных городов, лесов, полей, хлебных нив...

На заводах-автоматах людей можно будет встретить крайне редко. Месяцами, а то и годами заводы смогут работать, не требуя никакой помощи. А как там идут дела, можно будет узнавать при помощи телевидения.

Учёные предсказывают, что ждать осталось недолго. Пройдёт не так много времени и заводы-автоматы будут построены. Начнут работать. Могу сказать уверенно, что тебе посчастливится их увидеть и даже строить.

МИХАИЛ ГАИНКА
ПЕТРОВСКАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ II

РИСУНКИ

Ю. ШАБАНОВА

ЗАРИЦКИЕ ДРОВА

Приехав в Зарицы, Митя сразу понял, что уж если кого и придётся здесь слушаться, так это в первую очередь нянину сестру — бабу Полину.

Баба Полина была младше няни Фроси лет, может, на пятнадцать, а то и на двадцать. Ещё до войны она осталась без мужа, а в войну, пока в Зарицы не пришли немцы, работала в колхозе бригадиром. Одним словом, Митя как увидел её в первый раз, так и понял — вот от кого здесь всё зависит. У бабы Полины и лицо было, как у министра или индейского вождя. Глядела она сурово, говорила мало и если что-нибудь произносила, так только один раз, на повторения не разжигалась. А если баба Полина чуть-чуть улыбалась, так и все кругом, как по команде, начинали смеяться. Да только за месяц, что Митя её видел, случилось это раз или два. Даже если приходили к ней за советом, так стояли у порога и ждали — пригласит ли в избу или пойдёшь обратно, не вошедши.

У бабы Полины был поздний сын, одноклассник Мити. И Митя сразу понял, что Костя — человек подневольный. Играть или идти, куда взбрело, даже сейчас, ле-

том, он не смел, пока не выполнит свою дневную работу: то Костя полел огород, то носил воду для полива, а когда началась молотба — то должен был за каждую неделю заработать три трудодня. А это значило, что часа по четыре каждый день он гонял по кругу лошадей, чтобы они вертели молотилку. Митя как-то их всего час погонял, так у него потом весь вечер и всю ночь перед глазами земля вертелась.

Кроме того Костя участвовал в заготовке дров.

Ну, это только называлось так — дрова, а был это на самом деле хворост. Когда-то очень давно — ни баба Полина, ни даже няня Фрося этого не помнили — вблизи деревни стояли леса. Но леса свели, и осталось голое место, считай — степь, хоть и вовсе не в степном районе. Так вот, лесов не было, дрова заготавливать было вроде и негде, но печи топить чем-то надо, и приходилось рубить и возить хворост, и делали это баба Полина и Костя, Митин, значит, ровесник.

Когда Митя увидел, что баба Полина и Костя собираются ехать за хворостом — мажут дёгтем оси у тележки, привязывают к тележке верёвку, а Костя деловито, не глядя на Митю, осматривает топор, то Мите оставалось одно из двух — либо считать себя приехавшим отдохнуть от каких-то особен-

ных жесточайших трудов, либо так же, как и Костя, готовиться «рубить дрова». Когда те отправились в первый раз, Митя с ними не пошёл, и бабушка ему ничего не подсказала. Но вечером, когда сели ужинать и Костя засыпал прямо за столом, Митя вдруг заметил, что голос у него стал визгливый, и всякий раз, когда он пытается что-нибудь сказать, все смотрят на него, на Митю, с трудом и тут же отворачиваются. А бабушка сидит, опустив глаза.

— Да откуда я знал, что мне надо тоже идти? — возмутился наконец Митя.

Все опять промолчали, даже Костя, будто Митя здесь и нет.

Митя опять, уже почти с отчаянием произнёс:

— Ну, откуда... Мне же никто ничего не сказал!

И тут только няня Фрося смилостивилась:

— Так и в следующий раз ничего не скажут, самому видеть надо!

Это означало, что пока, до следующего раза, его прощают.

Теперь, боясь, что опять уедут без него, Митя несколько дней подряд всё спрашивал — когда? Когда поедет-то?

Баба Полина даже сказала:

— Не торопись — не знаешь, куда торопишься.

И улыбнулась. А Костя и няня Фрося засмеялись.

И вот, когда они в следующий раз собрались за «дровами», Митя, конечно, уже был наготове. Он даже сам удивлялся тому, каким стал распорядительным и деловитым. «Вот поедем, — думал он, — и привезём такой возище, какой оттуда никто ещё не привозил! Нет, я им покажу...» Что именно он им собирается показать, было ему самому не совсем ясно, но показать что-то было необходимо. И Митя так же деловито, как в прошлый раз Костя, точил брусом топор, осматривал верёвку, дёргал из стороны в сторону тележку, проверяя её крепость.

...Заросли кустов были от Зариц километрах в четырёх. Пустую тележку к месту заготовки они катили целый час. Катили по очереди, тележка только с виду да поначалу казалась лёгкой, и Митя чем дальше, тем всё чаще спрашивал себя, а каким же будет их обратный путь. Вот попался мостик — одно колесо между досок застряло; вот небольшой овраг — скатились-то легко, но вверх и пустая тележка не хотела катиться. Вот небольшое, но совершенно топкое место — и колёса выжимают из примятого мха воду...

— А как же нагруженными здесь поедем?

— Это мы сейчас напрямки, с дровами крюка давать придётся.

Вот. Значит, обратный путь будет ещё длиннее!

Наконец они добрались. Никакого леса, естественно, не было. Стояли лишь заросли ракиты, ивняка толщиной с ножку стула.

— Выбирайте потолще, — приказала баба Полина.

Костя с Митей нагибали, она рубила у корня. Потом, когда она стала тяжело дышать, Костя сказал:

— Мамка, давай я.

Костя порубил, дал Мите, хотя Митя с топором вообще-то ещё не умел обращаться.

— Прямей, прямей лезвие! — учил Костя.

Пригнутые хворостины при неточном ударе пружинили, топор отпрыгивал непонятно куда, и вдруг, промазав, Митя засадил топор в землю, да у самой своей ноги, вплотную с резиновой тапкой.

Баба Полина даже глаза закрыла.

— Положь, — сказала она, взяла топор и больше его уже им не отдавала.

Нарубили, стали класть на тележку.

Всё, что делал Митя, он словно нарочно делал наоборот. Первые стопки надо было класть вдоль тележки, он принялся класть поперёк. Когда нужно было дер-

жать верёвку, он давал слабину, когда надо было отпустить, принимался тянуть. На него не сердились, хотя и покрикивали.

А потом они поехали. Баба Полина впряглась спереди, Митя с Костей упёрлись сзади, тележка закрипела и тронулась. Огромная куча хворосту, которую они нагрузили, заколыхалась, как стог.

И Митя стал считать метры.

Первый раз они остановились передохнуть, преодолев первую канаву. Мите казалось, что они уже далеко отошли от зарослей, а оглянулся — вот они, просто крюк их обратной дороги шёл вдоль рикитника.

— Тут партизан прятался, — сказал Костя. — Вон там его заловили!

— Он один был?

— Один. Немцы знали, что он тут прячется. Негде больше. Они собаку послали — он её пристрелил. Выстрел слышали. Они тогда бронемашину подогнали и в громкоговоритель ему кричат: «Не выйдешь — мы кусты запалим!» А он здешний, знает, что на пять деревень других дров здесь нет, а дело уже осенью. Холод. Он и вышел.

— И что с ним сделали?

— Что, что... Повесили. В сельсовете, на крыльце, на шнуре электрическом...

— Ладно, — прервала сына баба Полина. — Не видел, так и нечего расписывать...

— А мне говорили! Да! Вон Лёнька Юлин видел!

— Пошли, — сказала баба Полина.

И они снова принялись толкать переваливающийся на неровностях дороги воз, а впереди были и мостик и тот овражек, который Митя заметил ещё на пути с пустой тележкой. И больше трёх километров то пыльного, то каменистого, то с лёгким спуском, то с таким же лёгким подъёмом просёлка. И Митя, уже совсем сопрев, успел подумать во время этого пути и о древних рабах, которые

годами выполняли одну и ту же непосильную работу вроде этой, и о лошадях, волах и верблюдах — вот несчастные-то, оказывается! Думал он и о том, что же к нему испытывал Костя, когда несколько дней назад, зная, что он, Митя, в этот самый момент ловит рыбу, а он, Костя, вот так же, как сейчас, толкает стог хворосту... «Да он же ненавидеть меня должен!» Митя бросил на Костю быстрый взгляд. Но тот упирался в туго обвязанный хворост, а почувствовав взгляд Мити, лишь ухмыльнулся вспотевшим лицом.

И ещё Митя всю их обратную дорогу думал, конечно, о партизане. Мысли об этом человеке и мешали и помогали ему двигаться. Всё время их обратного пути Митя оглядывался на заросли кустов — даже сейчас, летом, в самую лиственную пору, какое в них убежище? Партизан скрылся туда потому, что больше уже было некуда. Осень была, сказал Костя, значит, уже и лист облетает, и огня не разожжёшь — а кругом по всем деревням стоят враги... Партизаны, в представлении Мити, должны были собираться в глубине непроходимых лесов, куда не могут пройти танки, не достанет артиллерия, где их не сможет обнаружить самолёт-разведчик. Партизаны — Митя представлял их одетыми в полушубки и валенки — выбирались с пулемётами из лесов, имея точные сведения от своих связных. Они взрывали мосты, захватывали немецкие штабы, освобождали пленных... Митя оглянулся — кусты были уже вдали, они еле виднелись ровной низенькой щёткой. Какой боевой дух надо иметь, какую непримиримость, чтобы воевать против обступившего тебя со всех сторон врага, имея всего лишь такое убежище, как эти кусты!

И когда Митя думал о неизвестном ему замученном человеке, свой нынешний труд — толкать тяжёлую тележку, которая только что представлялась ему огром-

ной тележицей, — становился уже не таким непосильным.

Когда вспотевшие, вконец замаявшиеся, они вкатили наконец свою поклажу во двор, то оба, как были, повалились на загаженную курами траву.

— Два дня, Костыка, делай что хошь, — сказала баба Полина, снимая косынку. Волосы её тесно прилипли к голове.

И Митя, к которому, конечно, тоже относились эти слова, вдруг почувствовал, насколько сладостнее отдых заработанный.

— На рыбалку... утром... пойдем? — спросил Костя, отдышавшись.

— Когда?

— Как рассветать начнёт.

— Ага. А пустят?

— Кто ж нас сейчас не пустит? Сейчас куды хошь...

КАРЛУША

Деревня Зарицы стояла на высоком берегу речки. Узкая речка текла по широкой ложине. Возможно, если рассмотреть окрестный рельеф по-научному, так это были и не берега речки совсем, а края каньона или огромного плоскостного оврага, который речка разрабатывала тысячелетиями и вот теперь довела до такой ширины. Сама же деревня Зарицы стояла на равнине, ровной, как стол, и все окрестные деревни тоже стояли на равнине. Но равнина эта была изрезана ручьями и речками, и один из самых глубоких прорезов как раз и проделала речка Сужа, что текла через Зарицы.

Сужа была речка необыкновенная. В верхнем своём течении она была пресная, а начиная от Зариц, в Сужу впадало такое количество горьких ключей и ручейков, что уже через полкилометра в речке менялось всё: водоросли, рыба, даже цвет лежащих в воде камней. Вверх по течению в речке водились налимы, усахи, пескари и весёлая змеистая рыбка вьюн. Ниже Зариц — в омутах, остав-

шихся от весеннего половодья и отрезанных от озера мелкими, бормочущими по камешкам перекатами, страшными для крупной рыбы, — нагуливали жир язи, голавли и лини. К концу лета, когда перебаты совсем мелели и вода в омутах становилась такой горькой, что её и в рот не возмёшь, взбунтовавшаяся рыба — не хотела, наверно, жить в этой горечи — вдруг устраивала на заре такую пляску, что казалось, будто воду кто-то кипятит снизу.

Вот в такое утро, когда только вставшее солнце осветило крыши деревни, а вся речка в своей ложине ещё лежала в тени, Костя и Митя вышли с удочками на косогор к полуразрушенной церкви.

Митя был в деревне недавно, но уже знал, что в самом близком от деревни омуте рыба не ловится. Почему не ловится — никто не знал. Отрезанный от речки глубокий длинный омут хранил какую-то тайну.

— Смотри... — вдруг прошептал Костя.

На поверхности необитаемого, как Митя считал, омута вдруг появилась ломаная водяная морщина. Морщина эта, несколько раз поворачивая, обошла омут по краю... Потом вдруг что-то взвихрило, вскинуло воду, всплеск долетел до мальчиков на косогоре, и омут вновь погрузился в предутренний сон.

— Смотри, смотри!! — снова прошептал Костя.

Совсем в стороне от того места, где только что клубком взвинтилась вода, под самой поверхностью неподвижно стояла длинная тёмная тень.

— Во, щучища!!

Щука была метровой, не меньше. Не сговариваясь, мальчики кинулись вниз.

Вот кто здесь всю рыбу сжирал!.. А они-то ломали голову...

Когда они спустились к воде, щуки уже не было.

Они знали, что никакая щука на червяка не идёт, однако всё же

«Пригнутые хворостины при неудачном ударе пружинили, топор
отпрыгивал непонятно куда...»

не могли удержаться и принялись закидывать удочки.

Но снова омут словно омертвел — ни одного всплеска, ни одной поклёвки.

— На живца её надо ловить, — бормотал Костя. — Или глушить!

— Как это глушить?

— А так, — загадочно ответил Костя. — Глушить да и всё. Ну ладно, пойдём-ка пока в другое место...

Омут, в котором вода словно кипела, они увидели ещё издали. Тут и взрослый рыболов потерял бы голову. Мальки носились совсем поверху, чуть ниже — рыбки величиной с палец, а дальше, внизу, на фоне светлого каменного дна ходили стаи тёмных рыбьих теней — длиной в столовую ложку. Время от времени такая рыба, видимо что-то сказав другим, вдруг отделялась от них, выныривала, распугав всплеснувшую мелочь, глотала что-то одной ей видимое и снова с облегчением уходила в глубину.

Не отрывая глаз от воды, мальчики поспешно разматывали удочки.

Кому из рыболовов не знакомо это чувство, когда ты уже закинул удочку и знаешь, что здесь полно рыбы, и поплавок так замечательно лежит на воде, и рыба сейчас возьмёт и дёрнет, и ты почувствуешь на конце лески эту восхитительную трепещущую тяжесть!

Митя закинул удочку, не сомневаясь, что сейчас начнёт клевать. И действительно, рыба набросилась на все наживки. Но это была такая мелочь, которая не в силах была даже сесть на крючок. Мальки теребили и грузило, и леску, толкались, отнимая друг у друга право дёрнуть за наживку, — а толку никакого. Рыба покрупней к крючкам даже не подходила.

— Поглубже надо переставить... — деловито сообщил Костя и передвинул поплавок.

Результат тот же — поплавок продолжал лишь мелко вздраги-

вать. Наживку теребила мелочь.

— Давай ещё глубже!

Крючки опустились почти на дно. Большие рыбы, размеренно совершая свой обход, по-прежнему деловито скользили у самого дна согласными в движениях стайками штук по пять-шесть. Ни одна из них не заинтересовалась обманчивым лакомством.

И тут мальчики услышали шаги. К омуту, медленно переставляя по тропинке ноги, приближался старик. На плече он нёс коротковатую удочку.

— А-а, Карлуша идёт, — сказал Костя.

— Какой Карлуша?

— Да Карлуша, немец.

— Какой-такой немец?

— Обыкновенный.

— Он воевал за них, что ли?

— Да не. Он уже тогда почти что слепой был. Знаешь, сколько ему годов? Сто, наверно.

В представлении Мити, этот медленно переступающий слепой старик — вон как ощупывал он ногами тропинку! — не мог быть немцем. Немцы для Мити были в танках, в кабинах пятнистых самолётов. Немцы шли, засучив рукава и сжимая автоматы. Там, где прошли немцы, вставали пожарища. Густой нефтяной дым с красными языками поднимался к небу, а глаз немцев не было видно из-под рогатых, надвинутых на лоб касок. Была ещё одна разновидность немцев — невидимые, уже переставшие наступать, они окопались, засели в бетонных дотах вокруг того снежного поля, на котором погиб папа. Митя никогда не был на этом поле, но хорошо себе его представлял!

Слепой старик с холщовым мешочком в руке и с самодельной безобидной удочкой приближался к омуту.

— Ну, сейчас он нам покажет, — с безнадежностью в голосе произнёс Костя.

— Тихо! Услышит же!

— Да ничего он не слышит. И не скажет. Глухонемой он.

— Почему же он тогда немец?
— А кто же?
— Ну, если он ничего не говорит и за немцев не воевал, почему же он тогда немец?

— А у него отец немец был. И мать — тоже немка.

— Ты её видел?

— Я-то? Не, я не видел. Рассказывали.

— А чего он нам покажет-то?

— Нам-то ничего... Да ты смотри, смотри!

Не заметив ребят, старик добрался до самой воды, снял с плеча удочку, ткнул ею в воду, убедился, что конец палки мокрый, и, отступив на шаг, нащупал большой камень. Митя думал, что старик на камень сядет, но тот вынул из холщового мешочка проволочную рамку, раздвинул её — получилась маленькая табуретка. Старик ощупью приладил её, чтобы не качалась, сел и принялся разматывать удочку.

— Ну какой же он немец! — ещё раз шёпотом усомнился Митя. Ничего страшного в тихом слепом старике не было.

— Да не шепчи ты. Он уже тогда ничего не слышал. Немцы-

то хотели его старостой назначить. А он только руку вот так ставил к уху — и ни ку-ку. Они ему по-немецки, а он только головой молотает, они по-русски — а он тоже ничего. Так и отстали.

— Может, притворялся? — шёпотом спросил Митя.

— Да, говорили... Но вроде и тогда ничего не слышал. А сейчас-то уже и точно.

— Откуда он у вас тут?

— В Зарицах-то? Да он всегда тут жил.

— Ну как всегда?

— Мамка говорит — всегда.

— А почему ты её мамкой называешь?

— А как ещё?

— Мамой.

— Да ну... — и, покосившись на Митю, сказал, как бы извиняясь: — Да она и сама привыкла. По-другому стану её звать, так она удивится небось.

Митя не стал ему говорить, как он бы стал сейчас звать свою маму, если бы она у него была. Он только отвернулся к воде.

— Да ты смотри! — крикнул Костя.

Старик Карлуша тянул по во-

ПРОЧТИ ЭТУ КНИГУ

Имя Владимира Грусланова хорошо знакомо постоянным читателям нашего журнала. Он не раз публиковал у нас свои рассказы и воспоминания. Выпустил он и несколько книг, некоторые в соавторстве с М. Лободиныным, — «Шпага Суворова», «Дары Измаила», «По дорогам прошлого», «Серебряные трубы»... Новая кни-

га В. Грусланова «Дорогие реликвии» вышла в свет в издательстве «Детская литература» в этом году уже после смерти автора.

В книге есть предисловие — «Вступительное слово». В нём рассказывается, какую трудную, но замечательную жизнь прожил Владимир Николаевич Грусланов. Он родился в Дагестане, рано лишился родителей, рос в детском доме... Участвуя в войне 1914 года, проявил себя отчаянным храбрецом — он кавалер орденов Георгия всех четырёх степеней, которыми награждали только за подвиг в бою. В 1918 году Грусланов вступил в Красную Армию, был командиром конной разведки, дрался с Деникиным, Петлюрой, Махно, был награждён саблей с надписью: «За Советскую

де здоровенную рыбину. Из тех самых, которые ходили у дна. Тянул он её, не спеша, и, кажется, даже не видя. Леску-то он не видел точно: пытаюсь взять леску рукой, он несколько раз промахивался. Наконец, взял в руку пляшущего на крючке язя, снял и сушил его в свой мешочек. Ни удивления, ни радости не отразилось на лице старика. Он словно и не помышлял, что может быть иначе.

Через минуту-другую Карлуша вытащил ещё одну рыбину. Костя и Митя невольно стали приближаться к нему. Вот Костя закинул свою удочку совсем рядом. Вот Митя уже обошёл его с другой стороны.

Карлуша вытащил третью рыбину. Это были язи, один лучше другого. А точнее — все одного и того же размера, и спины у них были толстые и жирные.

— Чего он насаживает-то? — бормотал Костя.

А Митя только на это и смотрел. Но червяки у Карлуши были обыкновенные. Только в баночку с дырявой крышкой, где они лежали, Карлуша на ощупь капнул

несколько капель из какой-то бутылочки. И бутылочку — в карман.

Рыба так и хватала.

— Да ты смотри лучше! — уже совсем нагибаясь над Карлушей, кричал Костя. — Чего у него в кармане-то? Чего он туда накапал?

Старик ловил и ловил, вытягивал, и вытягивал, а у них — хоть бы раз клюнула. Ну просто как заколдованная была эта рыба, а Карлуша как хотел, так с ней и колдовал.

Колдовство кончилось тогда, когда его прекратил сам Карлуша.

Так и не произнеся ни единого звука, он положил в мешок последнюю рыбину, смотал удочку, сложил свою табуретку и зашаркал от омута прочь.

— Давай спросим, чего он капает? — сказал Митя.

— Как ты у него спросишь? У, фриц поганый! — Костя от злости уже забыл, как только что хорошо говорил про Карлушу. — А вообще-то попробуй! Давай, спроси!

— А почему я? Почему не ты?

власть. В память от бойцов и командиров. 1920 год». А в 1941 году — снова ушёл добровольцем на фронт, участвовал в боях, был трижды ранен, но дошёл до Берлина.

Через всю свою жизнь пронёс Владимир Николаевич страсть к коллекционированию. С кем бы он ни встречался, где бы ни был — всюду находил он исторические реликвии. В Чите подарили ему книги ссыльных декабристов. На полу только что брошенного дома на туретчине подобрал «Кобзаря» Тараса Шевченко самодельного издания. В поверженном Берлине нашёл книгу Сергея Волконского...

Вот эпизод из рассказа «Память Парижа».

«Однажды, — вспоминает Владимир Николаевич, — проходил я в Ленинграде мимо дома, из кото-

— Да... Да мамка с ним не разговаривает... С войны ещё.

— А почему? Он что-нибудь вам сделал?

— Не... Он никому ничего не сделал.

— Так почему она?..

— Да нипочему. Говорит, он — немец, вот и не могу я его видеть. А так... Даже хлеба ему посылала, когда он помирать стал.

— А почему он помирал?

— Да с голоду. Никто с ним дела иметь не хотел.

— Ты же говоришь, он старостой... отказался быть. Не стал фашистам помогать.

— Немец. Ну и отвернулись. А он помирать стал. Ты пойдёшь, спроси... Я не пойду.

Митя смотрел в спину уходящего старика, но и ему тоже было никак не стронуться с места.

— Да и ты не ходи, — сказал Костя. — Не ходи. Мы своё придумаем.

И что-то в голосе Кости было такое, отчего Митя сразу ему поверил.

— Знаю, что мы сделаем, — сказал Костя.

СТАРЫЙ СНАРЯД

Дома они увидели, что тётка Полина собирается на дальний колхозный сенокос.

— Слышь, Кость! Чтоб, пока меня не будет, всё перерубил. Слышь, нет?

— Угу.

И они опять выскользнули из избы.

Неразорвавшийся снаряд, ржавый и опоясанный медным ребристым колечком, был припрятан Костей внутри полуразвалившейся церкви. Величиной он был с литровую бутылку, что-то от него было уже отвинчено, и от этого он казался тупорылым.

— Да не бойся ты, — сказал Костя. — Хочешь, я по нему камнем врежу?

Митя этого совсем не хотел. Он вообще настоящий снаряд вблизи видел впервые.

— Боишься?

— Почему это боюсь?

— Боишься, боишься, — удовлетворённо сказал Костя. — А я вот никогда их не боялся.

И Костя принялся за работу.

В том, что он делал, Митя ни-

рого только что выехали жильцы. На улице валялось много домашнего хлама. И вдруг прямо перед собой я увидел втоптаный в землю кисет. Я стряхнул с него известковую пыль и прочёл надпись, сделанную по-французски: «Париж... уст 1816... Андр...Ист...». Не передать охватившей меня радости — реликвия Отечественной войны 1812 года!.. На следующий же день позвонил я в Эрмитаж и сообщил о своей находке... Находка оказалась уникальной».

Но Грусланов — коллекционер особенный. Всё, что ему удавалось найти, он дарил музеям. Только Музею Великой Октябрьской социалистической революции он передал около 10 тысяч исторических документов и фото-

графий, а также 200 революционных, боевых и трудовых знамён. В. Н. Грусланову обязаны мы восстановлением военно-исторического музея А. В. Суворова в Ленинграде и суворовских музеев в других городах.

Книга «Дорогие реликвии» — рассказы коллекционера, воспоминания о том, как были найдены особенно дорогие ему исторические реликвии.

«Реликвии славного прошлого, — говорил Владимир Николаевич, — помогают понять связь нового со старым, уяснить, что побуждало наших предков на подвиги и свершения во имя Отчизны, взять на вооружение лучшее из их опыта, укрепить веру в силу и возможности человека».

чего не понимал. Чтобы Костя опять не показалось, будто он трусит, он всю ему помогал. А тот деловито по снаряду постукивал. Затем, что-то вынув из кармана, что-то к чему-то привязывал, что-то куда-то запихивал, опять привязывал, потом, наконец, сказал:

— Глины принеси. Да не очень мокрой.

Весь измазанный глиной, снаряд стал совсем не страшным. Теперь он был похож на огромную грязную крысу. И, как водится, крыса была с длинным тонким хвостом.

— Бикфордов шнур, — объяснил Костя.

По разным углам в заваленной хламом церкви у Кости были расставлены коробочки, жестянки, свёрточки. Шнур тоже хранился здесь.

— А то мамка, если бы дома увидела, так уши бы вырвала, — сказал он.

Наконец то, что Костя мастериц, было готово.

«Да не взорвётся он, — думал Митя. Первый страх от возни со снарядом у него уже прошёл. — Всё тут липа, — думал он, — и эта ржавая штуковина, конечно, не может взорваться. Им, этим снарядам, из орудия засадили, он и то не взорвался, чего ради он взорвётся сейчас?»

Когда они несли снаряд к речке, Мите стало скучно — полдня потратили неизвестно на что.

— Где будем рвать-то? — спросил, не останавливаясь на косогоре, Костя.

Около самой деревни было лишь два омута — тот, ставший по летнему времени отдельным прудом, где на рассвете Митя и Костя видели огромную щуку, и второй, Карлушин.

«Да не будет никакого взрыва, — думал Митя. — Ну, кинем в воду, ну, спрячемся, как на войне, а толку-то?» Нет, он теперь уже совсем не верил, что затея Кости удастся.

— Ну, так где? — повторил Костя.

— Да где хочешь. Хоть вот здесь, поближе, — и Митя указал на омут со щукой.

— Не. Там она одна всего. Ради одной, что ли, старались?

И Костя с удовольствием оглядел их произведение.

— Нечёго тогда и спрашивать, — обозлился Митя.

Однако вслед за Костей он всё же пошёл. Мало ли... Вдруг всё-таки что-нибудь получится?

В том омуте, где поутру они видели столько рыбы, сейчас незаметно было никакого движения. Спит, что ли? Или вся ушла? Да куда ей уйти — с двух сторон перекаты. До следующего омута вниз по речке с полкилометра, не меньше.

— А там, внизу, ваш Карлуша ловит? — Митя показал вниз по течению.

— Не, он только здесь. Да куда ему! Видел, как ходит? — Костя достал из кармана спички. — Давай-ка ложись. Вон тут.

Углубление, на которое указывал Костя, было метрах в двадцати от воды.

— Да ну, зачем ложиться?

Глядя на Митю, Костя молча ждал. Митя нехотя прилёг на землю. Взрывов, вообще-то говоря, он в своей жизни не видел.

Спички с четвёртой шнур зашипел. Костя дождался, пока жало огонька втянулось поглубже, и двумя руками отпихнул от себя снаряд. Тот бултыхнулся в воду. Оглядываясь, Костя трусцой прибежал к Мите и упал рядом с ним.

Несколько секунд они лежали молча, напряжённо наблюдая. Из воды всплывали мелкие редкие пузырьки.

— Наверно, шнур отсырел... — прошептал Костя.

— Да и так бы не взорвался.

— Ну, да! Ты бы видел...

— А ты видел?

— Я-то?

«Старик ловил и ловил, вытягивал и вытягивал, а у них — хоть бы раз клюнула...»

Опасаться больше было нечего. Митя привстал на колени.

Белый столб встал из омута как будто бесшумно, но земля подпрыгнула и в воздухе что-то страшно сломалось. Митю толкнуло в грудь, а края омута уже лезли на берега, и по быстринам в обе стороны понеслась метровая волна, брызгающая пеной при встрече с камнями.

Взрыв в деревне, наверно, слышали, но в тот день в Зарицах остались лишь старики да ребяташки, а все взрослые отправились с утра на сенокос, и потому Костю с Митей никто не уличил.

Сенокос был километров за двадцать, ходить обратно домой каждый день было далеко, и тётка Полина всю неделю оставалась там. Митя с Костей один раз, когда туда ходила колхозная машина, навестили её и привезли ей жареной рыбы. Тётка Полина спросила, откуда такая крупная, и Костя сказал, что попалась в бредень.

— Что ж вы самую крупную-то мне привезли? — сказала тётка Полина и улыбнулась, а они, редкий случай, не обрадовались её улыбке.

Когда она вернулась с сенокоса, то почти всю рыбу уже или съели, или, что можно было, няня Фрося покоптила. Одним словом, тётка Полина их гигантского улова сама не увидела, а ни Фрося, ни Митина бабушка, когда ребята стали носить с речки рыбу, ничего как следует даже не поняли. Перед ними на стол можно было бомбу положить, сказать, что это паровой котёл, и они поверили бы. Старенькие были уже. А они — Костя и Митя — рыбу принесли не в один день, а носили дня три, притом ещё пустились на всякие хитрости — одним словом, вели себя так, что у Мити за ушами краснело, когда потом вспоминал.

Но теперь, если Митя выходил на косогор, его одолевали одни и те же мысли. Вся долина Сужи открывалась внизу — все извивы были отсюда видны, все заводы, и, как прежде, безлюдна была речка, да только мерещилось Мите — новое это какое-то безлюдье теперь.

«Это что же мы сделали? — думал он. — Мы что... всех? Всё, что было живого в том омуте... убили? Всех больших, всех средних и всех... этих? Тех, что, как маленькие весёлые запятые, носились по верху омута, теребили ещё недавно мою леску, хватали радостно за грузило, за червячка, от которого ещё ничего и оторвать не умели... Тех, которые еще только через несколько лет должны были стать рыбинами... И мы их всех одним разом. За что?»

Вниз по речке вот уже который день несло дохлую рыбу. «Но не может же быть, — думал Митя, — что в том омуте больше совсем нет рыбы. Ведь хоть что-то там да осталось...»

Надо было просто прийти туда на рассвете, посмотреть. Надо было убедиться, что это не так. И на следующий день Митя на рассвете в одиночку отправился к омуту. Он и удочку взял с собой — должна же она ему пригодиться.

Ещё издали увидел он, что на берегу уже сидит Карлуша — тёмная спина старика была хорошо видна сквозь лёгкий туман. «Ну вот, ловит», — подумал Митя, и ему стало повеселей. Подходя, он всё время следил за удочкой Карлуши — как ловится? Карлуша раз за разом закидывал и закидывал. Но не клевало и ничего не ловилось. Волшебная удочка превратилась в кнутик дурачка...

На следующее утро Митя в рассветную рань опять стоял на косогоре. Он видел, как появился слепой старик. И все два часа, пока Карлуша бессмысленно закидывал свою удочку, Митя опять

то бродил, то стоял недалеко, страстно желая, чтобы у Карлуши наконец начало ловиться...

И все последующие дни его неоступно тянуло знать — где сейчас Карлуша? Что он сейчас делает? Вот Митя лезет на яблоню — поспели ранние яблоки, — а что сейчас Карлуша? Вот Митя бродит около тока, где молотят зерно, — а что делает сейчас Карлуша? Митя иначе стал смотреть даже на собственную бабушку, она стала казаться ему очень старой.

— Бабушка, а если бы ты сейчас ничего не видела, что бы ты делала?

— Ну, ты бы, наверно, меня водил.

— А если бы меня не было?

— Ну, что это ты говоришь? Как бы это тебя не было...

— Нет, а если бы меня вправду не было, а ты была бы слепая и глухая?

— Вот уж не знаю. Я и сейчас то очень могу что-нибудь делать, а уж если бы была слепа и глуха...

А потом какие-то дела отвлекли Митю — то он ходил с Костей на ток, где под стрекот молотилки две колхозные лошади часами вытаптывали один и тот же протоптанный круг, то рубил на чурбаке хворост, то они жгли вдалеке на сжатом поле костёр из соломы. И оказалось, что Митин отпуск, такой прекрасный, такой интересный отпуск, покатился к концу — бабушка начала понемногу собираться, а тётка Полина с Костей опять задумали идти за хвостом.

Как и в прошлый раз, Митя отправился с ними, и, как в прошлый раз, на обратном пути ему опять казалось, что до дома никогда не дойти, и казалось, что будь обратная дорога длиннее, хоть на полкилометра, он бы просто упал.

Но опять, как и в прошлый раз, после того как они верну-

лись, Митя почувствовал особенное право шутить, смеяться и спрашивать обо всём, о чём раньше спрашивать было нельзя. И тогда неожиданно даже для самого себя он задал за обедом вопрос о Карлуше — кто, мол, это такой, и что он вообще делает. Хотя кто такой Карлуша, он вроде бы уже представлял. А что Карлуша сейчас делает? Хотя откуда и кому из сидящих за столом это было знать?

Но няня Фрося, оказывается, знала.

— Да его вечер в больницу увезли, — сказала она.

— Как в больницу? Почему?

— Да время, видно, пришло. Годов-то ему сколько уже? Десятью? Полю, не помнишь? Али девятью пять?

— Да кто ж его разберёт? Амалия-то ещё в ту войну померла. Или ещё до войны?

— А это уж тебе помнить, я-то тогда жила при них, — сказала она, кивнув на бабушку, и они обменялись с бабушкой взглядами. О чём-то они друг другу постоянно напоминали.

Но Митя сейчас этих взглядов не заметил. Карлуша в больнице — вот что он услышал. Слёг. Слёг, и его свезли в больницу.

«Это мы виноваты, — думал Митя. — И это — я». И хотя он, кажется, мог бы понять, что уж если девятилетний Карлуша пережил войну и эти четыре года после войны, так, наверное, только потому, что его щадила и подкармливала вся деревня... Но сейчас Митя об этом не думал. «Что же я сделал?» — думал он. Но ничего исправить он уже не мог... «Ну, допустим, форму бы надел, даже как-то пробрался бы в эту больницу...» И что дальше? Что бы он там сказал? О чём мог в больнице попросить? Да как бы смог он даже объяснить самому Карлуше, зачем пришёл? Нет, ничего Митя не мог сделать, ничего не мог изменить...

Отпуск кончался. Последние дни пролетели так, словно за утром сразу следует вечер. Вечера были чернущие, и чем дальше, тем короче. С чёрного неба начали сыпаться теряющие искры звёзды.

— Последние дни купаетесь,— вещала няня Фрося.— Вот уж Илья-пророк льдину бросит...

А потом «Всесоюзный староста» дал короткий заводской гудок, и пристань в Старосольске махала Мите платками и кепками, пока «Староста» не повернул вме-

сте с рекой. И тогда Митя обнаружил, что знакомого весельчака в этом рейсе на пароходе нет. И это было даже лучше, потому что Митя за прошедший месяц стал другим, а каким — он сам ещё не знал. Ему сейчас не нужны были собеседники. Может, кому-нибудь и могло показаться, что Митя дремал на палубной скамейке, но Митя вовсе не дремал, а всё время думал, думал и думал.

Такое уж у него наступило теперь время.

(Окончание следует)

**«...Нет
красивее
Ленинграда
нигде!»**

«...ФЛАГАМИ НЕБО ОКЛЕИВАЙ...»

(К рисункам на 2-й странице обложки)

«Самая маленькая жизнь неотделима от жизни Родины — моя тоже», — писал о себе Александр Дейнека. В трудном, голодном восемнадцатом, когда учился в Москве, в «насквозь промёрзшем Вхутемасе», он искал пути для «новаторского искусства завтрашнего дня». В годы первых пятилеток — радовался достижениям страны, прославлял героев труда, создавал «символ радостного бытия новых свободных людей». Грянула война — и он мобилизовал все свои творческие силы на борьбу с фашистами. Так самоотверженно прожил свою яркую жизнь замечательный художник Герой Социалистического Труда Александр Александрович Дейнека.

В маленькой картинной галерее нашего журнала воспроизведены две картины Александра Дейнеки — «Левый марш» и «Великое начало». Они навеяны поэзией Маяковского. «Он был моим учителем, — писал Дейнека о Маяковском, — потому что научил меня видеть в событиях главное...» «Портрет» Маяковского в его словах: «...пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм!»

Ты видишь на рисунках Дейнеки наш прекрасный город. Это Петроград, суровый и праздничный. Посмотри: на революционной «Авроре» — красный флаг, с Невы дует свежий октябрьский ветер, над демонстрантами — алые полотнища знамён... А кан уверенна поступь людей! Они устремлены в будущее.

Вспоминаются строки «Левого марша»:

Грудью вперёд браво!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой!
Левой!
Левой!
Левой!..

С. РУХОВИЧ

«Трубоча революции»

Имя этого замечательного немецкого паренька хорошо знакомо пионерам и школьникам ГДР. Оно присвоено многим пионерским отрядам республики, нескольким музыкальным школам, детским паркам... Оно звучит в песнях, которые распевают мальчики и девочки, чеканя шаг.

Чем прославлено это имя! Какими делами и событиями!

...Это случилось 60 лет назад в городском парке города Галле.

Сюда собрались тысячи простых людей — рабочие окрестных фабрик и заводов, служащие, студенты, школьники. Они ждали выступления вождя немецкого рабочего класса Эрнста Тельмана, кандидатура которого была выдвинута на пост президента страны от Коммунистической партии Германии.

У трибуны, на которую поднимался Тельман, стоял небольшого роста юноша с трубой в руках. Он заиграл мелодию «Слушайте все» — и в этот момент раздались выстрелы полицейских, которые оборвали короткую жизнь Фрица Вайнеке и нескольких его товарищей.

...Фриц родился в бедной семье. Он жил в рабочем квартале города

Галле — Глаухе, рано узнал, что значит голодать и работать от зари до зари, чтобы помочь родителям сводить концы с концами. Обучаясь нехитрому ремеслу щётчника, он сблизился с революционно настроенными рабочими и вскоре вступил в Коммунистический союз молодёжи, а потом — и в ряды компартии. Он вёл революционную работу среди молодых рабочих, был непременным участником митингов и собраний.

Страстно, убеждённо говорил в своих речах Фриц о будущем социалистическом обществе в Германии, о той борьбе, которую нужно вести за него с эксплуататорами, о той роли, которую должны сыграть молодые рабочие-революционеры.

И всегда носил с собой Фриц трубу, звуки которой звали на революционную борьбу. Товарищи так и прозвали его — «Трубоча революции».

...Всё то, о чём мечтал Фриц Вайнеке, стало явью в ГДР — первом рабоче-крестьянском государстве на немецкой земле. Успешно строится здесь социалистическое общество. Народ ГДР стал хозяином своей судьбы.

Недавно в Галле, на территории «Фолькспарка», на том самом месте, где упал за смерть «Трубоча революции», был открыт памятник. Прислонившись к высокому гранитному цоколю, как живой, стоит ушедший в историю Фриц Вайнеке. В правой руке у него — труба. Он готовится трубить «Слушайте все!».

А рядом, в почётном карауле, согнув руку в боевом приветствии «Рот-фронт», — юноша наших дней, гражданин ГДР. Он как бы принимает от Фрица Вайнеке эстафету — продолжать его революционное дело. Здесь и трубачи в «юнгштурмовках», гражданские и военные люди. Они пришли поклониться светлой памяти «Трубоча революции» и возложить цветы к его памятнику.

«...С юным знаменем, на коне»

К 50-летию Леонида Мартемьяновича Агеева

Известному ленинградскому поэту Леониду Агееву исполнилось пятьдесят лет.

Пятьдесят лет — это такой возраст, когда большинство из задуманного уже исполнено, сбылось. Так и у Леонида Агеева. Геолог — он исходил сотни таёжных троп в экспедициях, поэт — он выпустил немало поэтических сборников, но написал и книгу прозы, работает и над фантастикой. Да и вам, юным читателям, хорошо знакомы его стихи. Каждый год Леонид Агеев с удовольствием отдаёт свои новые стихи в «Искорку», а журнал любит его печатать... И всё-таки я знаю, что есть у Леонида Агеева мечта, исполнить которую ему пока не удалось: он очень хочет выпустить большую книгу своих лучших стихотворений в детском издательстве. Для вас, ребята!

...Я знаю Агеева очень давно. Как-то мы сидели на крыльце дач-

Леонид АГЕЕВ

Рис. Л. Коломейцевой

Три стихотворения

К ФОТОГРАФИИ

Каким Чемпионом Породы
глядит в объектив аппарата
ушастик —

щенок годовалый,
овчарка по кличке Орфей!..
Детишки его не боятся —
детишек Орфей не кусает:
для вора, бандита, шпиона
растит он и точит клыки.
Он бегаёт в школу охотно
(в собачью),
шалит, но не очень,
старателен, всё понимает...
Умел бы ещё говорить!
Тогда бы,

на это вот фото
взглянув с плутоватой ухмылкой,

пятнистую пасть разевая,
он так, вероятно, сказал:
«Присел под сосной —

у порога,
который стеречь я обязан,
мой грустный, усталый Хозяин
по кличке — со школы — Агей.
Хозяин он — добрый...

И всё же
кричит на меня временами.
А я ли глухой? Я ведь слышу,
как муха по стенке ползёт!

ного домика в Комарове. У его ног лежала его умная собака, прекрасная овчарка Орфей,— в доме у Агеевых всегда живут собаки, и все очень умные. Разговор шёл неспешный, обо всём на свете, и я спросил у Леонида, когда и как он начал сочинять стихи.

— Когда я начал сочинять? — Агеев задумался.— Не знаю... Мне теперь кажется, что стихи со мной жили всегда.

А вы, ребята, представляете себе, как поэт пишет стихи?

Когда я учился в школе и ещё сам не написал ни строчки, мне казалось, что поэт сочиняет в уютном кабинете за красивым письменным столом. Погуляет вечером вдоль Невы, а потом приходит домой и пишет себе!

С Агеевым было иначе. Представьте себе совсем иную картину. Дождь, тайга, гаснущий под дождём костёр. Смертельно уста-

лые промокшие геологи расположились на ночлег в спальных мешках. И лишь один человек не спит, у костра он торопливо набрасывает в походный блокнот внезапно пришедшие строки стихов:

*Я себе всё снюсь командиром
с юным знаменем,
на коне,
копь копыта вознёс над миром,
подо мною — земля в огне...*

...Ему было пять лет, когда началась война. Детство его прошло в эвакуации. Все лишения, все

Но то, что я

*мяса сырого
и косточки сахарной запах
с Луны — коль случится — учую,
он знает не хуже меня...
Всё учит меня мой Хозяин,
всё учит...*

*И не замечает:
от множества вредных привычек
и сам я его отучил!
Он начал вставать на рассвете
и бегать со мною,
и скоро
он станет тощей, чем борзая!
Борзую мне не обогнать...
Он курит всё меньше и меньше,
поскольку табачного дыма
я не выношу совершенно
и нюха лишиться могу...
Я, если сказать по секрету,
Хозяином, в общем, доволен.
Он даже порой забывает
играть погремушками рифм
и данное стихотворенье
стихом раскудрявым*

*и белым,
как шубка соседской болонки,
для вас обо мне сочинил!..»*

тяготы войны пришлось на его самый нежный ребяческий возраст и рано сделали мальчишку взрослым, выносливым и внимательным к человеческим бедам.

Мальчишкой заплакал он всего лишь раз, в самом конце войны. Пришёл домой и увидел чудо: у них на столе за обедом вдруг оказалась... булка! Настоящая белая булка с тёплым запахом и с кориценой корочкой. Целых четыре года не видел он этого чуда и не смог удержать слёз — сразу вспомнил Ленинград и дом, где жили всей семьёй...

После войны Леонид Агеев окончил в Ленинграде школу и поступил в Горный институт. Именно в Горном институте в те годы было одно из самых лучших в городе литературных объединений.

И вот там впервые Леонид Агеев и прочитал свои стихи товарищам-поэтам. И всем стало ясно — в Ленинграде появился новый интересный поэт.

С тех пор много пройдено и много сделано. Но дорога ведёт вперёд и силы есть.

Сегодня вы прочитаете новые стихи Леонида Агеева и сами ощутите, как упруги строки его стихов, как они звонко подкованы.

И ещё одну особенность его стихов вы увидите: Леонид Агеев разговаривает с юным читателем всерьёз, без скидок на возраст. Он доверяет вам полностью.

Давайте пожелаем Леониду Агееву новых книг, новых встреч с читателями, новых дорог.

Сергей Давыдов

КУКУШКА

А детство есть детство...
А в детстве всё проще:
и дали — всех дальше, и небо — всех выше...
Бывало, едва лишь за речкою в роще
раздумчивый голос кукушки заслышу,
спешу — как учил меня дед мой — спросить:
«Кукушка, кукушка! А сколько мне — жить?»
Задача...
Кукушка считала, сулила,
кукушка мне солнечных лет не жалела:
живи на здоровье, крепи свои силы,
для сильного — нет непосильного дела!
Я, сбившись со счёту, рукою махал
и в речку бросался, и волны пахал...
Я выжил. Я вырос. Увидел немало.
Я с осенью жизни уже обручился.
Ломала судьба меня, да не сломала,
в моих родниках и спокойно и чисто...
«Ку-ку!» —
донесётся из дали лесной,
а я молчаливо иду стороной.
Смешон человек, если правды боится,
да если полвека шагал, не робея!
Зачем мне теперь

расчудесную птицу
тревожить простою «задачкой» своею?

Я сам
приблизительный
знаю ответ,
а точный —

пусть будет кукушкин секрет!
Пускай сохранит его — в сумрачной чаще,
в высоком бору,
в роще зеленокудрой...
Иду стороной.

Вспоминаю всё чаще
далёкого детства беспечные утра,
когда своих лет
я считать не хотел —
с обрыва «солдатиком» в речку летел...

— Кукушка! А всё-таки — сколько же мне?.. —
Вопрос на берёзе повис...
В тишине.

ПАМЯТЬ

Ах, как лёгкие лыжи скрипят на морозе!
Как проклюнулись почки весной на ветвях...
Сколько раз — посчитать бы — рассказано в прозе!
Сколько раз — не упомнишь — воспето в стихах!
Как свистит соловей, как бранятся синицы,
земляника цветёт, наливается рожь...
Надоело читать — можешь сам убедиться:
выйдешь в сад,

в поле выбежишь,
в лес забредёшь.

А в лесу вдруг...
И след незаросший

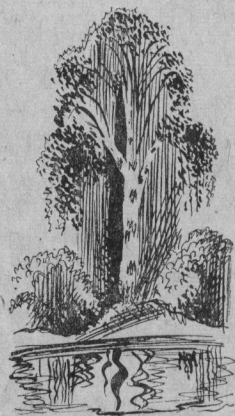
траншеи...

и остатки землянки... и взорванный дот.
Всё осмотришь —

представить всего не сумеешь,
не поймёшь, почему дуб могучий вздохнёт.

Тут не ты умирал — за тебя умирали:
чтобы мог ты однажды родиться на свет...
В это можно лишь верить — в сегодняшней дали,
только верить...

И веры священнее нет!
«Здесь мы насмерть... За тысячу вёрст до Победы...»
Ты про это читал — ты прочти всё опять.
Обо всём попроси рассказать тебе деда...
Чтоб запомнить на жизнь. Навсегда осознать!

Три сказки,

написанные по мотивам фольклора народов нашей страны

Георгий
МЕНОВЩИКОВ

подстерегая добычу, старая полярная сова.

Глаза у совы большущие, круглые, на макушке торчат остренькие ушки. Сказывают, днём она видит плохо, зато у неё такой слух, что даже маленький мышонок мимо не проскочит.

Подстережёт сова неосторожного мышонка, евражку или зайчишку, расправит могучие крылья, схватит добычу острыми когтями, ну и поминай как звали. Сова — птица серьёзная!

А в стороне, дальней от совиного гнезда проживала зайчиха с зайчатами. Когда наступила студёная полярная зима и тундра, словно одеялом, покрылась толстым слоем снега, только в одном заветренном месте и сохранилась маленькая рощица

кустарника. Посреди этого кустарника под сугробом и устроила зайчиха для своей семьи тёплое гнездо из мха и травы. Потом собрала она вокруг себя зайчат-несмышлёнышей, стала их учить:

— Отсюда не убегайте. Здесь нам еды до весны хватит. А в дальней тундре живут только вороны да совы.

Послушались зайчата свою мать, не убежали из кустарника в дальнюю тундру. Тепло, уютно было им в гнезде под снегом рядом с матерью.

Только одному зайчонку не сиделось на месте. Захотел он узнать, что же интересного есть от кустарника подальше.

Однажды взобрался он на холм и увидел вокруг бесконечную белоснежную тундру. «Какой простор, — подумал зайчик, — хорошо бы посмотреть, а что там ещё дальше».

Подумал так и помчался.

Бежал, бежал и вдруг видит: впереди возвышается из-под снега что-то большое и серое.

Приблизился к нему зайчонок — а это камень-великан. Не думал он, не гадал и не видел, что притаилась на камне и поджидает его сова-хищница.

А сова скрип снега под зайчи-
выми лапками почуяла, крылья рас-
правила, вспорхнула и бросилась на
непослушного.

Зайчишка сначала так от испуга
оробел, что и отпрыгнуть не смог.
Вцепилась сова острыми когтями
ему в спину и принялась было кле-
вать, да только от боли он пустился
бежать по своим следам да к
своему родному гнезду. Сова на его
спине едва-едва удержалась.

Бежит зайчик и громко кричит и
зовёт на помощь свою матушку.

Услышала зайчиха сыночка, ки-
нулась ему навстречу.

— Прыгай скорее в кустарник, —
крикнула она, — пусть сова голову
себе о дерево расшибёт!

На этот раз зайчишка свою маму
послушался. Прыгнул он под ствол
берёзки, а сова об дерево так стук-
нулась, что кувыркoм на снег сва-
лилась. Но встрепенулась, с трудом
поднялась и быстро-быстро полетела
к своему гнезду на высоком камне.

Ну а что случилось с непослушным
зайчишкой?

Мать-зайчиха пожурила его, за-
лизала на его спине царапины от со-
виных когтей и уложила в постель
из мягких трав.

В другой раз не посмеет он не
послушать материнских советов!

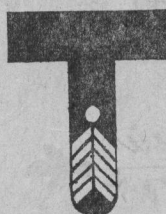
Уж не побежит к совиному
гнезду!

Василий ПУЛЬКИН

ПО ФOLЬКЛОРУ
ВЕНГОВ

от мужик-крестьянин
и вообще не любил
никакой лесной жив-
ности.

Увидит змею на
горячем песочке —
палкой прибьёт. В
птицу на дереве кам-
нем запустит. Запутается в прокосе
ящерица или лягушка — не пожале-
ет, косой по ним проведёт. Заведётся
на пожне муравейник — разорит.
Даже песня кузнечика была ему не-
навистна. Потому-то на его пожне
живности почти и не осталось. Толь-
ко мыши. До них у него руки ещё
не дошли.

Но вот однажды ранним росистым
утром пришёл этот злой крестьянин
косить свою пожню и удивился —
была она вся голая. Осмотрелся он
и понял — это мыши пожали траву,
устроили из неё себе гнёзда.

Не на шутку рассердился мужик.

— Ах вы, проклятые! Я вам по-
кажу, как траву портить! — закри-
чал он, схватил кол и стал им бить
по траве.

Мыши к нему с поклоном:

— Не губи! Пощади! Мы сами
уйдём. По-доброму.

— По-доброму?! Знаю я вашего
брата!

И ну по земле бить ещё злее.

— Ах так?!— рассердились мыши.— Ты нас ещё попомнишь!

Перебрались мыши в соседний лес и пожаловались на злого мужчину кротам.

— Надо этого человека наказывать,— сказали кроты.

Явился на следующий год злой крестьянин на свою пожню и диву даётся. Вся она в чёрных буграх.

Почесал он за ухом, задумался, затужил.

Подходит к нему сосед.

— Что голову повесил?

— Да вот...— указывает на пожню.— Видишь, как она отделана. Чем зимой корову кормить буду? За что такое наказание?

— А ты, случаем, с живностью на своей пожне не поссорился?

— Да, правду сказать, не люблю я эту дрянь...

— Вот тебе и причина. Со всем живым на свете надобно жить в мире да в согласии.

или-были старик со старухой, и было у них три сына.

Выросли сыновья—семья в силу вошла. Построил старик с сыновьями большой дом на

две избы. Всё под одной крышей — и жильё, и сеной сарай, и светёлка, и хлев для скота. На Севере такой дом «кошелём» зовут.

Сыновья оженятся, своих детей завели, но от отца не отделялись. Вместе крестьянствовали. Повалят на участке лес, пни выкорчуют, камни выворотят, пожар сожгут — на другой год овёс, репу посеют. Одному такой труд не под силу, только большой семьёй и держались.

Старуха всем домом правила, расторопной большухой слыла. Одну невестку нарядит коров доить, вторую — лён мять-теребить, третью — пряжу прясть, дочек-невест пошлёт холсты ткать. Всем работа найдётся. Внучата овец пасут да в лесу грибы-ягоды собирают. Сама большуха весь день у печи бьётся, на всю семью щи варит, ещё и малых внучат пестует.

Казалось бы — жить да радоваться, всё в доме ладно! Ан нет. Пришёл возраст старухи — слегла, померла...

Похоронили старуху. Посмурнели сыновья. Попричитали дочери и невестки. Старик слезу смахнул. Но что делать? Жить-то надо... Большой семье большуха нужна, чтоб порядок блюла, свары — будь они неладны!— пресекала, работой по совести награждала.

Призадумался старик. Среди дочерей большуху искать нечего. Невесты замуж выйдут, по другим семьям разлетятся. Дочь — отрезанный ломоть.

Решил старик испытать своих невесток — какая из них смыслёней да душевней? Кому из них большухой в доме быть?

Призвал старик жену старшего сына. Спрашивает:

— Скажи-ка, Марья, чей голос дальше слышен?

Марья вздохнула и затараторила:

— Петуха, батюшка. Каждое утро голосит, окаянный, что вставать пора. За версту слышно...

— Ладно,— говорит старик.— Ступай да Варвару покличь.

Пришла жена среднего сына. Старик и спрашивает:

— Скажи-ка, Варварушка, чей голос дальше слышен?

Варвара задумалась, ногой об ногу почесала, отвечает степенно:

— Быка, батюшка. Точно говорю, быка. Вот намереди в соседней

деревне бык ревел, так я слыхала. А до неё пять вёрст.

— Слух у тебя хороший,— говорит старик,— ступай себе да младшую сноху ко мне позови.

Пришла Настасьюшка, поясной поклон бьёт.

— Звали, батюшка?

— Скажи-ка, Настасья, чей голос дальше слышен?

Настасья в глаза старику посмотрела и тихо молвила:

— Хлебный голос слышен дальше всего!

— Какой такой «хлебный голос»?— удивился старик.

— Да вот, батюшка, если в доме гостя или прохожего человека пригласят да сытно кормят, про тот дом далеко слышать!

— Молодец,— говорит старик.— Умно сказала. Быть тебе в нашем семействе большухой, величать будут тебя по имени и отчеству.— Анастасией Марковной!

Всё.

РИСУНКИ * Ю. БОЧКАРЁВА

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Георгий Алексеевич МЕНОВЩИКОВ — известный учёный, этнограф, доктор филологических наук. Многие годы он занимался изучением языков и культуры народов Севера. Его переводы эскимосских, чукотских и других северных сказок неоднократно публиковались в различных детских изданиях. Сказки «Сова и зайчик» — нет ни у одной из северных народностей, но она могла бы быть у каждой из них. Эта сказка — результат сопричастности учёного устному творчеству людей Севера.

Василий Андреевич ПУЛЬКИН — по национальности вепс, по профессии учитель. Он родился в вепсской деревне, знает вепсский язык и всю жизнь собирает и обрабатывает вепсский фольклор. В последнее десятилетие он много печатается, среди его произведений — немало вепсских сказок. «Злой мужик и мыши» — одна из них.

Григорий Борисович САЛТУП живёт в Петрозаводске. По профессии он художник, искусствовед. Увлекается народными промыслами — работает в художественно-производственных мастерских. Не раз выступал с удачными обработками фольклора Карелии. Онежская быличка «Чей голос дальше слышен!» была записана в 1880-х годах от крестьянина Кижской волости А. Першина и опубликована в «Олонецком сборнике» за 1894 год.

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

Месяц назад оставили мы Николая Экономова в глубокой задумчивости. Вы помните — следовало найти применение тысяче рублей, заработанных школьниками летом. И выбор был чрезвычайно широк.

Наши читатели ответили на этот вопрос без особых затруднений. Высказав резонное сожаление по поводу несостоявшейся экскурсии в Москву, отсрочки с новой дискотекой, тяжело сплотив отказ от бесплатного мороженого, большинство читателей твёрдо высказалось за оснащение подсобного производства в школьной мастерской. Они объяснили свой выбор: тогда статья доходов в бюджете этой школы будет складываться не из одного пункта в 1000 рублей, а станет пополняться. И в результате через год в распоряжении ребят окажутся средства, достаточные для экскурсии в Москву не одного, а нескольких классов, бесплатного мороженого не на месяц, а на несколько месяцев, и, может быть, ещё и на дискотеку останется.

С этим ясно. Но вопрос-то был какой! «Что, на ваш взгляд, выбрал Экономов?...». Вот тут многие читатели и сплеховали. Они решили, что уж Николай-то, по простоте душевной, выберет либо экскурсию, либо дискотеку, либо вообще разменяется на мороженое.

Ну, ребята, нельзя же так. Признайтесь, год назад и вам бы такое использование денег показалось самым целесообразным. Но теперь, когда вы знаете уже, откуда что берётся и во-

обще что к чему, над этим можно разве что посмеяться.

А Экономов! Он ведь почти год вместе с вами учит экономiku. Он теперь — ого! — как изменился! Зачем же его недооценивать!

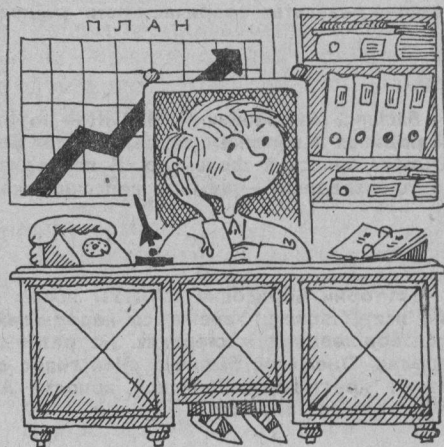
— Конечно, надо отдать деньги на оборудование мастерской, — твёрдо сказал Николай нашему нестарющему Мальчику.

Наш Мальчик (а он, заметьте, всегда был экономней Экономова) решил всё-таки дать совет:

— А не жалко, Коля! Ведь ребята так хорошо поработали! Может, не всю тысячу потратить на мастерскую, а только часть! А на остальное — мороженого!

— Нет, — отрезал Николай. — Технический прогресс требует больших затрат, но эти затраты выгодные. Я тебе больше скажу: если бы я был директором... Ну, не школы, конечно, это уж слишком, а директором производства...

Надо сказать, что эта мысль автору понравилась. И он тут же предложил своим героям стать директорами предприятий.

ВЗГЛЯД ИЗ КРЕСЛА ДИРЕКТОРА

Как всегда, Николай стал придирчиво оговаривать условия игры.

— Со всеми правами? — поинтересовался он.

— Даже большими, чем обычно, — заверил автор. — Вас никто и поправлять не будет. Распоряжайтесь бюджетами своих предприятий, определяйте техническую политику — всё ваше, никто слова поперёк не скажет.

И, пока приятели не успели передумать, он усадил их за настоящие директорские столы — с телефонами, селекторами и вертящимися креслами. Тут уж никто не устоит.

А сам автор пообещал быть у новых директоров бухгалтером. У обоих сразу — по совместительству, ведь автор-то один. Ему не привыкать — кем только он уже не был: и историком, и секретарём суда, и репортёром... Правда, бухгалтером ему быть труднее всего. Главная задача бухгалтера — вести учёт и контролировать все затраты предприятия, словом, считать. И считать

внимательно. И здесь автор должен признаться читателям (директорам своим он ни за что не признается), что с этим у него хуже некуда. Он, автор, в детстве и даже в юности сильно недолюбливал математику. В общем, без микрокалькулятора автору теперь никуда — единственная надежда.

И игра началась.

Экономов возглавил предприятие А; Мальчик — предприятие Б. На обоих заводах работает по 10 тысяч человек. Наши приятели возглавили свои предприятия в ответственный момент — им предстоит наладить производство новых тракторов. Потребность народного хозяйства в них — допустим, 20 тысяч. Ну, а для новой продукции надо произвести реконструкцию, то есть техническое перевооружение заводов. Это — условие. А остальное — как директора решат.

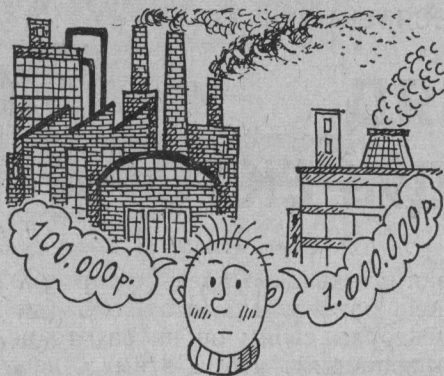
КАЖДЫЙ ВОЛЕН ВЫБИРАТЬ

— Так как будем решать, директора? — обратился автор к новоиспечённому начальству. — Давайте техническую политику определять. Оборудование отобрать надо, проект реконструкции заказывать...

— А какой выбор? — прозорливо уточнил Экономов.

— Ну, — проявил эрудицию автор, — если просто заменить старые станки на новые, то реконструкция недорого обойдётся — в сто тысяч уложимся. Правда, можно вместо станков наладить гибкое автоматизированное производство — ГАП. Это

в десять раз производительнее. Но тогда реконструкция обойдётся в миллион.

Директора задумались.

Первым вышел из задумчивости наш бережливый Мальчик. Он что-то там в уме сложил, перемножил и заявил:

— Чем дешевле обойдётся реконструкция, тем государству выгоднее. Сто тысяч или миллион — есть разница? Тут и думать нечего, я выбираю станки!

— Вообще-то оборудование не самое лучшее, — попробовал было возразить автор, — в производительности проиграете. Если уж всё равно тратиться на реконструкцию, то, может быть...

— Ну вот что, — по-директорски строго прервал его Мальчик, — и не смейте меня отговаривать от экономного хозяйствования. Тоже мне — бухгалтер называется. Я мотовства не потерплю!

Автор, конечно, пристыжённо умолк. Директора гневить — последнее дело. Он посмотрел на другого директора. На Экономова.

— А сможет ли государство расщедриться на ГАП для нас? — осторожно спросил Николай. — Дорого всё-таки.

— Но государству нужен новый трактор!

— Ладно! — решил Экономов. — Вы моё мнение знаете: на научно-технический прогресс скупиться не стоит. Установим са-

мое прогрессивное оборудование — пусть будет миллион.

— Мотовство! — резюмировал Мальчик так мрачно, что его решительный коллега даже смутился.

Автор поспешил успокоить Николая:

— Зато обслуживающего персонала потребуется в десять раз меньше — всего тысяча человек...

Автор Экономова успокоить хотел, а вместо этого развеселился Мальчик.

— Слушай, Коля, — торжественно заметил он, — ну какой же ты будешь директор? Что у тебя будет за предприятие? Заводишко! Всего тысяча работающих. Вот у меня — заводище! Десять тысяч! Армия! Удивляюсь я тебе — ведь сам выбирал.

Не будь у Экономова «ценного» свойства характера — не признаваться в собственных ошибках, он бы переменял решение. Действительно, сделали тебя директором — с большим столом, телефоном, селектором, вертящимся креслом и перекидным календарём, — и даже автор у тебя бухгалтером. Ты, по армейским меркам, можешь быть командиром дивизии или даже корпуса, а стал командиром полка. И всё почему? Потому что выбрал прогрессивную техническую политику. Обидно! Твой товарищ — технический ретроград, а оказался директором важнее тебя, у него и вправду армия.

А Мальчик продолжал подзуживать:

— Даже наш бухгалтер, — посмеивался он, — который склонил тебя на миллионные траты, сам же этим и добился того, что у тебя на предприятии он будет получать зарплату меньшую, чем у меня. Ведь мой завод больше в десять раз!

Откуда Мальчик об этом узнал — для автора до сих пор загадка. Но самое интересное, что он всё угадал точно...

Небухгалтерские объяснения автора

Догадливый читатель назерняка ждёт, что уж здесь-то, мелким жирным шрифтом автор как раз и объяснит ошибочность сомнений Экономова и несостоятельность хвастовства Мальчика.

Ничего подобного. И для Экономовских сомнений, и для Мальчиковых честолюбивых заявлений основания имеются. Только несколько устаревшие.

Во времена, когда интенсификация ещё не являлась главной задачей экономики, все вопросы увеличения производства решались примерно одинаково. Нужно нам больше паровозов? Значит, надо больше рабочих принять на паровозостроительный завод. В два раза больше приняли — в два раза больше паровозов получили. А директор-то на заводе по-прежнему один, и главный бухгалтер — один. Только работы им вдвое больше. Значит — помощников у них должно быть больше, зарплата больше, да и уважения — чего там говорить — соответственно труду.

Но времена изменились. Нужно нам больше локомотивов, автомобилей, тракторов, ЭВМ — надо придумать, как увеличить их производство без увеличения затрат. В этом суть интенсификации. Значит, и уважения заслуживает не тот, кто больше народу на завод набрал, а тот, кто сумел при меньшем составе сделать больше. Значит, и сложившийся порядок надо менять. Сейчас как раз и ведутся экономические эксперименты, в которых выясняется, как заинтересовать хозяйственников «воевать» не числом, а умением.

Но это я объяснил вам, а нашим героям предстоит самим дойти до сути.

НУЖНЫЕ ДЕНЬГИ

Игра играется быстро. Выбор сделан — считай, и реконструкция произведена. Считай, год прошёл. Оба директора сменили перекидные календари на новые. Год прошёл — они уже директора обновлённых предприятий. Экономов — небольшого, а Мальчик — по-прежнему крупного. Год прошёл, а на самом деле — минута, и Мальчик не утратил ни капли своего торжества.

— Так что? — спросил он, крутанувшись в удобном дирек-

торском кресле. — Вы сами себя и наказали за расточительность. Ну-ка, бухгалтер, прикиньте-ка смету производственных расходов.

И автор, тыча пальцем в клавиши незаменимого своего микрокалькулятора, стал подсчитывать.

Затраты на реконструкцию предприятия А составят 1 000 000 рублей, предприятия Б — 100 000 рублей. Затраты на материалы и электроэнергию — 10 000 рублей в год на каждом предприятии. При средней заработной плате каждого работника 200 рублей в месяц эти расходы на предприятии А составят:

$$200 \text{ р.} \times 1000 \text{ чел.} \times 12 \text{ мес.} = 2\,400\,000 \text{ р.}$$

на предприятии Б:

$$200 \text{ р.} \times 10\,000 \text{ чел.} \times 12 \text{ мес.} = 24\,000\,000 \text{ р.}$$

Мальчик остолбенел.

— Ну? — возликовал Экономов. — Доекономился на научно-техническом прогрессе? Так кто из нас транжира и мот?

Но Мальчик и без того грустил.

— Как же это, — растерянно бормотал он, — я был так бережлив, и на тебе — в 24 миллиона обойдётся только содержание рабочих. Невероятно! Может, бухгалтер ошибся?

— Это вы ошибаетесь, — не согласился автор (он полностью доверял своему микрокалькулятору). — И не 24 миллиона придётся истратить на содержание ваших рабочих, а намного больше. Они ведь пользуются бесплатным медицинским обслуживанием, их дети бесплатно учатся. Спокойно переходят улицу на зелёный свет, потому что следит за порядком инспектор ГАИ, которому они ничего не платят, если не нарушают. Они читают книги и ходят в театры, парятся в бане и разменивают деньги в павильонах игровых автоматов. А ведь все эти люди — врачи,

учителя, милиционеры, писатели, артисты, банщики и кассиры «Союзаттракциона» — никакого продукта не создают. Но труд их нужен, значит, зарплату им платить надо. А из каких денег?

— Ну,— взмолился Мальчик,— это забота государства!

Тут уж и автор захлопал глазами. Такой экономической безграмотности он и ждать не мог. Кто, как не Мальчик, ещё месяц назад поправлял Экономова: и государство, мол, деньги не в тумбочке берёт. А тут — стоило пересест в директорское кресло — сразу и забыл. Глаза ему застит узкий директорский интерес, что ли? От возмущения автор даже на минуту утратил маску бестрепетного бухгалтера.

— Помилуйте, ребята,— сказал он твёрдым авторским голосом,— откуда же возьмутся деньги в государственном кармане, если ваши предприятия их туда не положат? Чтобы учиться, лечиться, развлекаться и не бояться под машину попасть, а также быть уверенным в обеспеченной старости, каждый рабочий должен зарабатывать 200 рублей в месяц не только себе, но и тем, чьим трудом он пользуется или пользовался ещё до того, как сам стал трудиться. То есть — как минимум — ещё двести.

Мальчик поскущел пуще прежнего. А автор, вернувшись к бухгалтерским обязанностям, снова склонился над микрокалькулятором и составил таблицу:

— Ну, теперь-то всё? — глухо спросил Мальчик, предчувствуя недоброе.

— Да где же всё! — бестрепетным бухгалтерским голосом возразил автор.— 24 миллиона — только зарплата тем, кто обслуживает 10 тысяч семей ваших рабочих. А ещё нужно для рабочих строить жильё, те же больницы, школы, дороги, театры, бани и игровые автоматы.

— Что,— не выдержал Мальчик,— ещё деньги? Грабёж какой-то!

— Да не деньги! — поспешил успокоить автор.— Деньгами дорогу не вымостишь, больницу не оборудуешь. Всё это создаётся трудом людей.

— Так,— произнёс Мальчик, чувствуя, что бывшее раскаяние сменяется в нём глубоким возмущением,— знакомая картина. Значит, мало того, что мои рабочие выпускают трактора, мало того, что они зарабатывают зарплату врачам... и учителям — ничего не хочу сказать о них плохого. Но строить школы, оборудовать больницы и павильоны игровых автоматов должны тоже они? По-моему, это слишком.

— В самом деле,— вступился за коллегу справедливый Экономов,— что-то вы, бухгалтер, уж очень многого хотите от рабочих предприятия Б. Моё предприятие, конечно, лучше, но от моих рабочих никто же не требует, чтоб они, кроме тракторов, ещё дома строили или там землю пахали.

РАСХОДЫ НА ПРОИЗВОДСТВО

предприя- тия	реконструк- ция	материалы и электро- энергия	зарплата	выплаты в фонды обществен- ного потре- бления	ИТОГО
А	1.000.000	10.000	2.400.000	2.400.000	5.810.000
Б	100.000	10.000	24.000.000	24.000.000	48.110.000

— А чего от них требовать,— обиженно заметил автор,— когда они уже и так этим занимаются?

Оба директора вперили вопросительные взгляды в автора. Пришлось давать объяснения.

Небухгалтерские объяснения автора

А суть вот в чём. После реконструкции заводов те же 10 тысяч тракторов на предприятии А делает 1 тысяча человек, а на предприятии Б — 10 тысяч.

То есть, по милости Мальчика,ывавшего неверную техническую политику, не 2 тысячи, а 11 тысяч человек восполняют потребность народного хозяйства в новых тракторах. Но общество нуждается не только в тракторах, и для удовлетворения других потребностей общества могло бы работать 18 тысяч человек, а работает только 9 тысяч — те, что высвобождены после внедрения ГАПа на предприятии А.

Теперь, когда потребность в тракторах прекрасно восполняется без них, 9 тысяч бывших рабочих предприятия А как раз и строят жилые дома, школы, больницы, детские сады или делают рентгеновские аппараты, игровые автоматы, или хлеб растят, или шьют костюмы — мало ли в чём нужда! Но 18 тысяч всего этого сделали бы вдвое больше, чем 9. Значит, по той же милости Мальчика, у нас всего этого вдвое меньше, чем могло быть.

РЕШЕНИЕ — НЕ ВОРОБЕЙ

Гнетущая тишина повисла в кабинете директоров.

— Видишь,— нарушил тишину Экономов,— к чему приводит недалёковидная техническая политика? Буквально подрываешь экономическое благосостояние общества.

Мальчик прятал глаза. Он понял, что автор ещё не всё сказал. Мальчик ведь прекрасно считал в уме, так что успел поделить затраты производства на количество тракторов и обнаружил, что его трактор оказался в восемь раз дороже экономовско-

го. Значит, те, кому придётся приобретать его трактора, будут выкладывать сумму в восемь раз большую. Какой расход! То есть намного дороже обойдётся обработка земли на его тракторах. А значит — и хлеб, выращенный на ней, тоже будет намного дороже.

Мальчик пытливо посмотрел на автора. Но не так, как смотрит директор на бухгалтера, как-то иначе.

— Слушайте,— произнёс он просительно,— давайте я перемену своё первое решение, а? Беру ход назад!

— Ну нет! — возмутился Экономов. — У нас публичная игра. Как в шахматах! Взялся — ходи! В экономике, по-моему, тоже нельзя брать ход назад. Это нечестно. А то каждый так — понавальет глупостей, а потом: «Я перехожу!». Куда — «перехожу»? Нет уж, теперь отвечай.

А чего отвечать-то? Отвечать-то нечего.

— Послушайте, бухгалтер,— сказал Мальчик после глубокой задумчивости. — Ну дайте мне миллион.

Автор оторопел.

— Дайте миллион! Ну что, вам жалко, что ли? На хорошее дело прошу.

Что оставалось делать? Какой бухгалтер не поможет своему директору? Ну, выписал он чек на миллион, печатью прихлопнул. А потом вспомнил, что настоящий бухгалтер, прежде чем дать, обязательно спросит, на что?

— А,— ответил Мальчик, радостно размахивая чеком,— куплю и себе на этот миллион ГАП. А станки выброшу. И буду выпускать такие же дешёвые трактора, как у Кольки.

Автор так и плюхнулся на стул от огорчения.

— Нет,— воскликнул он,— с таким непонятливым директором просто невозможно работать! Я что, вам ГАП дал? Только чек!

Чеком, что ли, собираетесь производить труд повышать?

— Так ведь миллион,— смущённо оправдывался Мальчик.— Как раз на реконструкцию, интенсификацию...

— И что с того? У вашего коллеги перевод производства со станков на ГАП занял год. Этот год какое-то предприятие делало этот ГАП, тысяча рабочих училась его обслуживать, строили новое помещение — опять время, деньги, люди. К тому же вашему коллеге всё равно предстояла реконструкция, он выбрасывал старые, отслужившие своё станки. А вы установили новые станки. Теперь их выбрасывать — убыток. Так что сначала сэкономьте хотя бы 100 тысяч, найдите возможность обойтись меньшим числом рабочих — вот и высвободятся рабочие для производства ещё одного ГАПа, для новой реконструкции. Тогда только и заплатите свой миллион.

Это типичная бухгалтерская мудрость: хочешь тратить — накопи! Но Мальчик её не знал.

— За счёт чего я наэкономлю столько? — спросил он в полнейшей растерянности.

— Только за счёт внутренних резервов, — твёрдо ответил автор, поскольку в вопросах экономии бухгалтер должен обязательно проявлять твёрдость. — Ну, как бы проще объяснить? Допустим, токарю нужно выточить из металла 200-граммовую деталь, а дают ему для этого болванку килограммовую. Через час-полтора, глядишь, и виден результат труда — деталь в 200 граммов и стружки 800 граммов.

— Да это же бесхозяйственность! — возмутился Мальчик.

— Верно. Но когда на вашем предприятии такое происходит, вы обладаете огромным внутренним резервом. Ведь если токарю дать, скажем, болванку в 300 граммов, отходов будет в 8 раз

меньше и в 8 раз быстрее токарь сделает эту деталь. А токарей на вашем предприятии — сотни, таких деталей они делают — тысячи. Станут работать быстрее — и металла понадобится меньше, и токарей.

— Что ж получается, — недоумевал Мальчик, — если сразу дать токарю 300-граммовую болванку вместо килограммовой, то и внутренних резервов нет?

— Ну, если сразу... Если бы сразу реконструкцию произвели как следует, то не надо бы и новую затевать, высвобождать рабочих. Вон у директора Экономова просто некого сокращать — все наперечёт. А у вас...

— Но я же не знал, что столько от меня зависит, — поспешил оправдаться Мальчик.

Небухгалтерские объяснения автора

Несколько лет в нашей стране проводились крупные экономические эксперименты. На их основе были выработаны новые методы хозяйствования, которые вступают теперь в силу. Суть в том, чтобы предприятия, трудовые коллективы сами решали, какими путями достигать лучших экономических результатов. Но сами же и отвечали за них. Выиграл — получи сполна. Просчитался — недополучи.

Раньше могла возникнуть такая, например, ситуация. Я пашу наше общее поле плугом, а ты — на тракторе. Пока я одну борозду прошёл, трижды отдыхая, ты остальную площадь перепахал и всё поле засеял. А на урожай мы претендуем одинаково — нам обоим одинаково есть хочется. И тебе, конечно, обидно. Тем более, если у меня тоже трактор был, но я или к весне его не подготовил, или водить не научился, или по глупости в болото загнал, или вообще считаю, что плугом пахать — для здоровья полезней.

Теперь же мы с тобой на равных за одним столом посидим лишь на том основании, что меня тоже кормить надо, что это поле — общее. Не могу я за тобой на лошадке угнаться — значит, должен трактор найти, водить научиться, заранее подготовиться к севу. А иначе — будешь ты с пирогами, а я с сухарями, хоть поле у нас общее.

СКОЛЬКО СТОИТ ОШИБКА?

— Ну, хорошо,— размышлял Мальчик,— используем мы внутренние резервы. У нас их в десять раз больше, чем у Кольки. За год наэкономим столько, что ГАП можно будет заказывать. Ещё год — реконструкция, обучение рабочих, подготовка производства. И все эти годы будем жить хуже, чем те, кто у Кольки работает?

— Что делать? — развёл руками автор. — Директорские ошибки дорого стоят. Все эти годы и общество от вас будет получать меньше, чем следовало бы.

— Всё-таки это несправедливо,— настаивал на своём Мальчик. — Тысячи работников моего предприятия смогут получать на потребление меньше только потому, что я, один я, отсталый директор, совершил глупость.

— А вы оправдайтесь,— посоветовал автор, потому что хороший бухгалтер всегда даёт советы своему директору. — Вы им скажите, что хотели как лучше. Что хотели поменьше хлопот. Если бы ваш коллега не добился таких результатов на прогрессивном оборудовании, никто бы и не понял, что вы заслуживаете упрёка. Да и вообще, это только в сравнении с Экономовым вы — технический ретроград, а сами по себе — неплохой человек. Объясните, вас поймут.

— Думаете, поймут? Мои же работники, которые получают меньше благ из-за моей неправильной технической политики?

— Да,— продолжал его успокаивать автор,— разве вы один так думали? Ну, кто-то, конечно, обвинит вас в хозяйственной безграмотности.

— Ну вот...

— А вы ему: «Раз такой умный, сам и определяй хозяйствен-

ную политику предприятия!..» Кстати, он как раз такой умный, что определять и может. Не он один, конечно, а все вместе — коллектив. И не только может, но и должен, это и предусмотрено недавно принятым Законом о трудовом коллективе.

— Но ведь я — директор,— сказал Мальчик.

— Ну сами посудите. Благополучие каждого члена коллектива зависит от результатов работы всего предприятия, цеха, бригады. Эти результаты — следствие хозяйственной политики. Если каждый расплачивается за общие ошибки и пользуется общими успехами, почему каждому не предостерегать свой коллектив от ошибок? Не подсказывать пути к успеху?

Это и значит — определять хозяйственную политику.

Мальчик согласился. И правильно! Под контролем коллектива бездумно не поддиректорствуешь, а ошибёшься — ответишь по всей строгости.

Поэтому Мальчик предусмотрительно покинул удобное директорское кресло.

А довольный собой Экономов вдруг сказал:

— Чего там определять? Всё ясно: закупай оборудование поновей да получше — и давай! Успех гарантирован.

Вы знаете, даже автор не нашёл, что на это ответить.

Ответьте, пожалуйста, вы:

*прав ли Николай
Экономов?*

Манёвр

23 августа*

Всё кончено. Над нашим подкопом подвешен здоровенный камень. Как только я прыгну в яму, чтобы удрать, он сплющит меня в лепёшку, а Чёрный Дьявол, если полезет в подкоп, останется без головы.

Я кинулся к лису — в таких штуках он должен разбираться. Лис сразу задрал нос:

— Ну, это чепуховая ловушка! Есть конструкции куда интереснее.

— Потом про конструкции, Огонёк! — перебил я его. — Говори, что делать с камнем?

— Очень просто. Не прыгать в яму!

— Об этом я и без тебя догадался! А если Одноглазый...

— Ну, ему тоже лучше не соваться. Есть у меня идея... но тебе придётся выдержать хорошую трёпку.

— Готов на любую!

— Отлично! Тогда беги и лай во всю глотку тревогу, пока тебе не ответят твои друзья.

— О лис! В твоей голове заключена не хитрость, а настоящий ум.

После этого я помчался к калитке и залаял так, что сам чуть не оглох.

Сразу же издали тревожным

басом мне ответил тёзка Пират. Возле калитки тявкнула Жучка.

— Тебя что, режут?

— Хуже, — ответил я и быстро ей всё рассказал.

— Ладно, — сказала она. — Одноглазого я могу предупредить. Он всё время торчит возле вашей дачи.

— Зачем торчит? — удивился я.

— Не знаю... По-моему, хочет навести Витю на твой след...

Я вздохнул — легко сказать, навести!.. Витя — не собака, носом по следу он не пойдёт.

— Не горюй, Пират! Не люди, так мы поможем тебе выбраться из этой западни.

— Выбраться, выбраться, выбраться! — наверное, раз сто повторил я это слово. — Но как выбраться?

Одноглазый гений

25 августа

Кто хочет, может мне верить, кто не хочет, пусть не верит, — всё равно я опишу всё в точности, потому что это, может быть, единственный случай наивысшей собачьей сообразительности и преданности.

Я уже писал, что Сиплый чуть не оторвал мне голову, когда тащил из подкопа. Уши у меня до сих пор все в болячках. Но не в ушах дело, а в ошейнике, который остался за забором. Этим обстоятельством воспользовался мой друг Чёрный Дьявол.

Несколько дней он бегад к нашей даче, стараясь привлечь вни-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6, 7, 8, 9, 10.

мание Вити. В первый раз Витя его испугался и закричал:

— Мамочка, смотри, какая ужасная собака!

— Ой, бедняжка! Наверное, она бездомная, — сказала мама Маша. — Отнеси ей поест. Только не выходи на улицу, может, она совсем одичала.

Через минуту Витя прибежал с моей синей миской, и всю еду из неё вывалил через изгородь.

Одноглазый всё съел в одно мгновение, а Витя, глядя на него, тихо сказал:

— Бедный пёс... Приходи, я буду тебя подкармливать Пираткиной едой...

Ещё два дня Одноглазый приходил на это место. Витя перестал его бояться. Один раз он просунул руку через изгородь и погладил его по голове.

Но тут страшный крик подняла тётя Груша. На крик прибежала мама Маша:

— Ну что вы, Грушенька! Это же несчастное животное!

— Я этого разбойника хорошо знаю! Была у меня пёстрая курочка-несушка. Где она?

Одноглазый ушёл очень расстроенный. Но на следующий день он всё же опять подкрался к нашей даче. Вити не было. Но только он свернул за угол, видит: на камне возле пруда сидит мой хозяин со свёртком. Одноглазый пошёл к нему медленно, осторожно, чтобы не ис-

пугать. Но мой храбрый Витя сам побежал ему навстречу.

Что было у него в свёртке, я сам сразу догадался. Одноглазый съел ещё одну мою порцию.

Потом Одноглазый быстро вскочил и побежал, приглашая с собой Витю. И тот пошёл было за ним, но возле нашей изгороди помахал рукой:

— Приходи, я тебе друг, — и нырнул через лазейку в сад.

— Наш секретный лаз! — обрадовался я.

— А что толку! — вздохнул Одноглазый. — Я тогда совсем отчаялся. Чуть не завыл с досады.

Да... задачка! Как объясниться с человеком?!

Хорошо, что Чёрный Дьявол не пал духом, а продолжал думать и действовать. А когда делаешь то и другое одновременно, то всегда получается очень здорово! Когда в его зубах остался мой ошейник, он его не выпустил, а потащил, волоча по земле вместе с цепью и колышком. Ни одна собака на свете не догадается, что сделал с ошейником мой умный и благородный друг! Он прибежал к нашей калитке, положил мой ошейник на траву и громко залаял. Примчался Витя с моей синей миской и поставил её перед Одноглазым. У моего бедного друга так и заходило в пустом желудке. Но он отвёл глаза. Он смотрел не на еду, а на Витю. Но мой хозяин не видел ошейника. Он даже отодвинул ногой цепь и сказал:

— Что ж ты? Уже поел где-нибудь? Тогда приходи потом...

— Тут я на него даже обозлился, — признался мне Одноглазый. — Под носом лежит знакомая вещь, а он не видит. Пришлось взять твой ошейник в зубы и чуть ли не в руки ему сунуть. Сперва он отпрыгнул, а потом побледнел, вырвал его у меня и закричал: «Пираткин! Пираткин! Это — Пираткин!»

После этого Одноглазый принялся за еду. А когда он поднял глаза от пустой миски, то увидел, что за изгородью стоят трое и смотрят на него с изумлением.

— Совершенно невероятная история из жизни деревенских собак... — сказал Пал Палыч. — Я за всяческую фантастику, но чтобы животное додумалось...

Одноглазый повёл всех к месту моего заточения. Но не по улице, а задами, чтобы, как объяснил он мне потом, эта странная процессия не вызвала преждевременного внимания в деревне.

Возле нашего подкопа пёс остановился и тихо, многозначительно прорычал.

— Пусть на меня сейчас же свалится эта крепостная стена, — сказал Пал Палыч, — но тут что-то есть!..

— Папочка, честное слово, Пиратыч здесь! — зашептал Витя. — Ты помнишь, ведь и Жучка привела нас в этот противный дом!..

— Очень даже помню, — отозвался Пал Палыч. — Мне было весьма неприятно извиняться за тебя перед тем типом, портрет которого ты так удачно воспроизвёл на калитке.

— Павлуша, а по-твоему, педагогично так говорить о взрослых? — спросила мама Маша.

— Жизнь не посыпана сахарным песочком, и люди бывают разные, Машенька. Пусть Витька узнает это своевременно, чтобы потом не спасовать, если жизнь выдаст ему порцию горького...

— Час твоего освобождения близок... — Эти красивые слова торжественно произнёс лис, выслушав

мой рассказ о том, что я сам услышал от одноглазого друга. Но в голосе его я уловил горечь.

Много событий за один день

26 августа

Обстановка осложняется, днём меня опять схватили, обвязали морду и заперли в сарай. Из рассказа лиса я понял: здесь был старик, который живёт в жёлтом домике на горе.

— Можешь мне поверить, дружище, этот старикан пришёл неспроста.

— На разведку?

— Явно. Тоже ищет тебя, — и, помолчав, добавил: — Я никогда никому не завидовал, пёс, но тебе завидую...

— Мне?! — страшно удивился я.

— Да... — вздохнул он. — Не знаю, как и чем, но ты заработал себе много друзей...

Заработал! Знал бы лис, сколько неприятностей заработали из-за меня мои друзья!

Уже совсем поздно вечером прибежала Жучка. Сказала, что к нам на дачу пришёл старик, который живёт в жёлтом домике на горе. Сейчас все сидят на террасе.

— И Витя ещё не спит?

— Нет. По-моему, все собираются куда-то идти.

— А Чёрный Дьявол?

— Тоже сидит на террасе.

Я ушам своим не поверил:

— Жучка, что это может значить?

— Не знаю. Но не спи, не гавкай, не зевай. И не делай глупостей, а то я укушу тебя, как только ты отсюда вылезешь. Ясно?

Жучка убежала. А я в темноте чуть не переломал себе ноги, когда перемахнул через поленницу дров — так спешил сообщить эти новости лису.

Он выслушал меня, встал, сладко потянулся, расправляя мускулы:

— Отлично, Пират. Я думаю, теперь настал мой час. Сиди здесь. Пойду я. Я — ночной зверь.

Лис исчез, растаял, сгинул в темноте, словно его никогда на свете и не было.

А я сижу и пишу дрожащей лапой. Может быть, это мои последние строки, а может, мои последние минуты...

Слышу...

(Окончание следует)

*В помощь следопыту,
идущему по тропинке
в лес*

Ворон.

Серая ворона.

Желтоспинка.

Сорока

К фотографиям на 3-й странице обложки

Рис. Р. Попова

«Искусство быть дедом»

ПОЭТЫ
МИРА-
ДЕТЯМ

Он стал свидетелем всех выдающихся событий французской и европейской истории девятнадцатого века — от побед и поражения Наполеона до побед и поражения коммунаров на парижских баррикадах семьдесят первого года.

Он стал родоначальником и главой самого мощного в мировой литературе прошлого века направления — романизма.

Он написал так много романов, пьес, критических статей и особенно стихов, что все они просто не успели выйти при его жизни и публиковались вплоть до 1902 года, когда отмечалось столетие со дня рождения писателя.

Он пережил годы изгнания и громкую славу, изощрённую ненависть врагов и пылкую дружбу друзей.

У него было много друзей. Но судьба преподносила ему то счастье, то горе — он трагически лишился сыновей и дочерей, но горячо привязался к внуку Жоржу

Виктор ГЮГО Стихотворения

Рис. Ю. Бочкарёва

ПЕСЕНКА ДЕДА

Танцуйте, милые простушки,
За кругом круг,
Вам улыбнутся на опушке
И лес, и луг.

Танцуйте, крошки-синеглазки,
За рядом ряд.
Пусть все со мной на эти пляски
Сейчас глядят.

Танцуйте, маленькие крали,
За кругом круг.
Пусть книжки в школе заворчали —
Вам недосуг.

Танцуйте, крошки-озорницы,
За рядом ряд.
Пускай вас песенками птицы
Благодарят.

Танцуйте, маленькие феи,
За кругом круг,
Чтоб личики покраснели
У всех подруг.

и внучке Жанне. Он относился к ним с глубокой нежностью и посвятил им многие стихи, вошедшие в его книгу «Искусство быть дедом».

Жорж был серьёзным мальчиком, Жанна весёлой шалуньей, а Виктор Гюго — добрым и справедливым дедушкой. Внуки с самого раннего детства понимали это и платили ему любовью и преданностью.

Около собора Парижской богородицы Жорж с гордостью говорил:

— Дедушкины башни!

А шестилетняя Жанна стыдила свою расшалившуюся подружку:

— Марта! Виктор Гюго смотрит на тебя!

На кусочках картона писатель рисовал картинки, служившие хорошими и плохими отметками за поведение, — внуки находили эти картинки на столе под своими салфетками.

Всю жизнь поэт выступал в защиту маленьких граждан своей страны — вспомните его страницы о коммунаре Гавроше. Можно сказать, что именно с Виктора Гюго началась во французской литературе гражданская, наполненная жизнью тема детства. Ведь именно Гюго принадлежат слова: «Кто говорит: ребёнок, — говорит: будущее».

Вот почему в этом году, когда по решению ЮНЕСКО широко отмечается столетие со дня смерти великого писателя, Виктора Гюго вспоминают и его взрослые, и его юные читатели.

Михаил ЯСНОВ

Танцуйте, крошки-королевы,
За рядом ряд —
И дамам скажут кавалеры
Всё, что хотят!

ЦАРАПИНА

Царапина, на ней — запёкшаяся корка.
Её, капризничая, Жанна-бузотёрка
Срывает, кровь течёт из пальчика, и вот
— Болячку содрала!.. — она уже ревёт.
Браню её, она рыдает покаянно,
И я смягчаюсь: — Мир! Но при условии, Жанна,
Что улыбнёшься ты сейчас же!.. — И она
В объятия мои бросается, полна
Внезапной радости, и шепчет мне довольно:
— Не буду никогда себе я делать больно,
Ведь я тебя люблю!.. — И мы вдвоём полны
Великодушия и признанной вины.

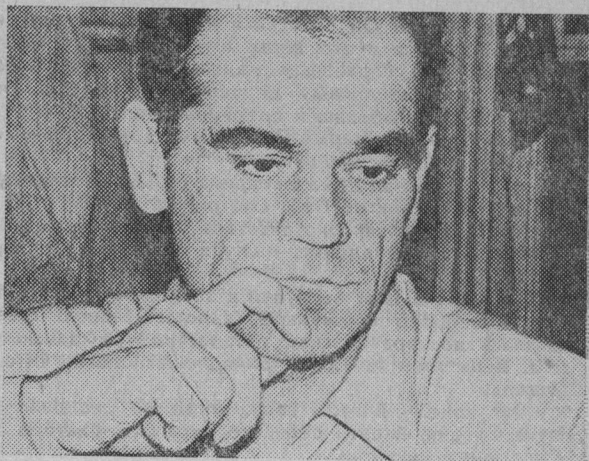

В ПОЛЯХ

Склоняюсь над ручьём, брожу в полях — и там,
Мечтатель, дедушка, пернатым и цветам
Сочувствуя, гляжу на каждую травинку
И детям не даю обидеть и былинку.
Я говорю: — Среди растущих и живых
Играйте, их любя, и не пугайте их! —
И восхищённый Жорж сияющую Жанну,
От радости светясь, уводит на поляну.
В не потревоженном раю бреду вослед
И, слыша лепет их, я думаю, что нет
В прелестной их возне ни тени, ни намёка
На смутный шум страниц, который им до срока
Невятен в книге их судеб, и что пока
Весь мир от них далёк, и лишь любовь — близка.

Перевёл с французского Михаил ЯСНОВ.

К 60-летию
Николая Андреевича
Внукова

ПРОСТОЙ СЕКРЕТ

С Николаем Андреевичем Внуковым я познакомился очень давно — двадцать пять лет тому назад.

Четверть века тому назад!

Наверное, так сказать будет лучше, потому что звучит по-юбилейному — и весело, и торжественно...

Я работал тогда в редакции журнала «Костёр», а Николай Внуков написал и принёс в редакцию один из первых своих рассказов. Рассказ назывался «Розовая Гвиана». Я взглянул на заглавие и сказал себе: «А этот человек, кажется, умеет придумывать названия рассказов!»

Ведь в самом деле — название такое, что рассказ сразу хочется прочитать.

Я в тот же день прочитал этот рассказ и, прочитав, подумал: «А этот человек, кажется, и впрямь будет детским писателем! Потому что он знает секрет, как писать рассказы для детей».

Теперь мне очень нравится сознавать, что я не ошибся. За четверть века Николай Внуков написал немало книг для ребят, и среди них нет ни одной, которая залежалась бы на библиотечных полках.

Однажды во время Недели детской книги мне довелось выступать перед ребятами вместе с Николаем Андреевичем. Помню, он начал рассказывать про таинственное исчезновение кораблей в океанских просторах, про загадочную гибель экипажей, про некие секретные торпеды, которые испытывали фашисты в последние месяцы войны, и про то, как удалось разгадать тайну этих торпед... Я так заслушался, что даже забыл, что и мне выступать тоже надо. В тот момент я вообще забыл, что я писатель. Я ощущал себя одним из сотен читателей, сидевших тогда в зале. Я, как и они, старался не пропустить ни одного слова. А потом подумал: «Нет, что ни говори, а он и правда знает секрет, как писать для ребят!»

Впрочем, пора, наверно, сказать — что же это за секрет такой?

А секрет прост.

Николай Внуков знает, что для ребят надо писать интересно.

— Ну и секрет! — воскликнет кто-нибудь разочарованно. — Кто же не знает, что для детей надо писать интересно?!

Так-то оно вроде бы и так, да не совсем. Конечно же, трудно найти

такого человека, такого писателя, который считал бы, что для детей нужно писать скучно, да ещё и признавался бы в этом. Может, и найдётся где-нибудь такой чудак, да только вряд ли. Зато бывают люди, которые думают про себя примерно так: «Конечно, мне, взрослому человеку, то, о чём я сейчас буду говорить или писать, уже совсем не интересно, даже скучно, но вот ребятам об этом послушать полезно. А раз полезно — то должно быть и интересно».

Может быть, не буквально так, слово в слово, рассуждают подобные скучные люди, но, во всяком случае, очень похоже. И ясное дело, если такие скучные люди принимают писать детские книжки, то и книжки получаются тоже скучные.

А вот Николай Внуков — как и другие настоящие писатели, пишущие для детей хорошие книжки, — знает: чтобы было интересно ребятам, обязательно должно быть интересно самому. В этом-то и заключается главный секрет.

Помню, как тогда, четверть века назад, я с нетерпением ждал Николая Андреевича, чтобы сообщить ему, что рассказ его понравился и будет напечатан в журнале. Я хорошо знал, какая большая радость для любого начинающего писателя услышать подобные слова. И, конечно же, Николай Внуков тогда обрадовался. Но — удивительное дело — не прошло и нескольких минут, как он уже забыл, казалось, о своей принятой рукописи и с увлечением рассказывал новую историю. Рассказывал так самозабвен-

но, с таким азартом, как это умеют делать, по-моему, только мальчишки, когда торопятся сообщить друг другу какую-нибудь поразительную, а то и вовсе фантастическую новость.

Я теперь думаю: может быть, оттого так сохранился и продолжает жить в характере писателя этот мальчишеский азарт, что его собственное мальчишество, его собственная юность были оборваны войной?

Обычно говорят: ушёл на войну прямо со школьной парты. Про Внукова и его товарищей по школе можно сказать и по-другому: не они ушли на войну, а война пришла к ним. Фронт прямо подступил к городу на Северном Кавказе, где жил и учился тогда Николай Внуков. И школьники, чтобы защитить свой город, свою школу и своих близких, стали солдатами. Окопы, где они приняли свой первый бой, находились совсем недалеко от школы, где ещё недавно они сидели за партами. И свой самый тяжкий, самый суровый экзамен — экзамен боем — Внуков и его друзья-одноклассники выдержали с честью. Многие из них пали смертью храбрых в этом первом бою. О тех днях, навсегда врезавшихся в память, Николай Внуков написал одну из лучших своих книг. Эта книга — «Наша восемнадцатая осень».

...Я и нынче нередко встречаюсь с Николаем Андреевичем Внуковым. И всякий раз, когда вижу его, уже знаю: сейчас услышу от него новую увлекательную историю. Историю, которой предстоит стать книгой.

Борис Никольский.

На рабочем столе Николая Внукова лежит сейчас новая рукопись. Она называется «Семь восьмых» и рассказывает о жизни и творчестве замечательного американского писателя Эрнеста Хемингуэя.

Придёт время, и вы, ребята, прочтёте книги Хемингуэя и узнаете, что он был очень честным человеком, ненавидел войну и всю жизнь своими романами и рассказами боролся за мир. Глава итальянских фашистов Муссолини объявил его своим личным врагом. И в списках «врагов германского рейха» он стоял одним из первых. «Я горжусь этим, — говорил Хемингуэй. — Это значит, что я не дешёвый писатель, а кое-чего стою!»

Вы, очевидно, догадались, что новая рукопись Внукова — для взрослых. Но мы и из неё выбрали для вас один отрывок.

Николай ВНУКОВ

Рис. О. Недзвецкой

САМАЯ КРАСИВАЯ РЫБА

Что нужно человеку тринадцати лет для полного счастья? Свобода и хороший друг. Свободы кругом было хоть отбавляй, и лучший друг тоже был рядом — его звали отец.

А дом стоял среди вязовой роши. Из окна задней части дома открывался чудесный вид на тёмно-синий залив озера Валлун, на жёлтый песчаный пляж и на облака, стоящие в небе. Облака всегда стояли над озером. Утром они были розовыми, похожими на хлопья рождественской ваты, которыми украшают ёлку, к полудню становились ослепительно белыми, круглыми, плотными, с глубокими синими тенями, а вечером превращались в пылающую золотом сказку, плывущую над землёй. И тогда в мире не было места лучшего, чем этот уголок озера.

Каждое утро начиналось удочками и ведёрком. На дне ведёрка лежала консервная банка с отличными розовыми червями и еда, завернутая в старую газету, и марлевый полог от комаров. Иногда они вовсе не возвращались домой, и тогда впереди было несколько дней рыбалки на лесных речках, где водилась форель, ночные костры и бесконечные разговоры, и вкус только что снятой с огня ухи, и предрассветный холод, когда всё покрыто росой, а дальние деревья размыты туманом.

Отец вырезал удилища для своих удочек из прямых прутьев орешника, но Эрнесту купил в городе две настоящие бамбуковые удочки.

— Для чего, па? — спросил Эрнест, когда отец принёс удочки из магазина.

— Они легче, чем ореховые. И, кроме того, их нельзя спрятать в лесу, а потом забыть, где спрятал, и вырезать новые. Их надо нести домой. И ещё для того, чтобы ты привыкал беречь вещи, даже самые дешёвые.

...Как приятно было следить за красно-синим лакированным поплавком, стоящим на тёмно-зелёной или коричневой глубине воды, и думать о рыбах, которые осторожно подходят к мухе, насаженной на крючок, и как бы обнюхивают её, чуть-чуть подталкивая рылом.

Леска в воде невидима — она скручена из полупрозрачного белого конского волоса. Между осклизлых водорослей жёлто просвечивает песчаное дно, и если хорошенько присмотреться, можно вдруг увидеть, как на жёлтую проплешину выдвигается на мгновение массивная тень огромной рыбы — рыбы, которую никогда не поймашь, — и даже не верится, что это она, потому что в следующий миг проплешина снова переливается отражёнными струями воды и — ничего нет!

Это самые захватывающие моменты, потому что замираешь сам, замирает сердце, остаётся только одно: возьмёт или не возьмёт?

Нет, конечно же, не берёт.

Ну и пускай, пускай не берёт! Зато как прекрасно смотреть в подводное царство. Оно цветёт и струится и никогда не остаётся одним и тем же. Оно даже в разные часы дня — разное.

Муха висит у самого дна над песком, у неё ещё лапы шевелятся.

И вот опять появляется рыбина. Узкая, как торпеда. Сначала спина. Тёмная, болотного цвета, с волнистым, длиной почти до самого хвоста, тёмным плавником. Потом видно, что спина и плавник вовсе не тёмные, а чудесно пятнистые, как мрамор, а между разводами серебряной мозаикой отблёскивают чешуйки.

Тупая голова рыбы с широким ртом похожа на голову сома. Под ноздрями торчат два коротких выстupa, которыми она ощупывает дно. И вдруг ты соображаешь, что это — кальва, ильная рыба, красивее и вкуснее которой на свете нет. И тогда мгновенно потеют ладони, останавливается дыхание и исчезает всё — кусты, лес, даже само небо. Остаётся только самая красивая рыба. И больше ничего.

Рыба медленно делает круг, чуть подгребая плавниками, развёрнутыми, как веера, и со всех сторон осматривает муху. Как ей, наверное, хочется схватить эту муху сразу же!

Но кальва так никогда не делает.

Сначала она толкает наживку выступом морды, похожим на короткий ус.

Поплавок чуть заметно вздрагивает, из-под него идёт расширяющийся водяной круг.

Всего один! Но как это важно!

Это значит, что муха обязательно будет взята!

Кальва, почти ложась на бок, резким движением хвоста бросает своё тело в сторону. А потом, развернувшись под прямым углом, как тень, как лёгкий полосатый призрак, идёт... прямо на муху!

Поплавок ныряет на самое дно! И там, в глубине, где уже ничего не видно — взрывом поднимается со дна клуб песчаной мути, и рука автоматически делает подсечку...

...У костра он увидел отца и связку его рыбы на влажной траве.

Кальвы в улове отца не было.

— Па, посмотри, вот она! — закричал он, выбегая из кустов и поднимая рыбину высоко над головой.

— Ого! — удивился отец. — Как тебе удалось?

— На муху! Она-таки схватила её! Если бы ты видел, как она к ней подходила! Ну и хитрая же! Мне даже жалко, что я её поймал...

Отец подошёл к сыну.

— Тебе и в самом деле её жалко?

— Да, па. В воде она красивее, чем здесь...

— Жизнь, мальчик, всегда красива, потому что она естественна и свободна. Смерть — самое страшное на земле. Смерть... и еще когда нет свободы... Знаешь — а ведь мне так ни разу и не удалось поймать кальву на муху. У меня она брала только на выползка.

Ты молодец, сынок!

Олег Орлов К НЕВЕДОМЫМ БЕРЕГАМ, или сундучок Беринга

Рисунки Р. Лопова

Фальшивая карта.

Долго думали адмиралы, спорили, как в этом деле поступить.

— Может быть, Беринга наказать? — говорит один адмирал.

— Но ведь Беринг исполнил приказ царя Петра, — говорит другой. — Он плыл на север сколько можно, и наказывать его за то, что на севере Америки не оказалось, — нельзя!

— Тогда, может быть, наградить его? — говорит третий адмирал. — Деньгами и чином. Потому как трудов и сил капитан Беринг положил много...

— А к Америке пусть плывёт снова! — говорит четвёртый. — Не бросать же дело на полдороге! И Беринг, наверное, прав: на восток всё нужно плыть. А может, и на юг...

А пятый адмирал почесал подбородок и говорит:

— К тому же, если на американском берегу Беринг найдёт серебро или золото, царица наградит за это и нас, адмиралов...

Так и решили: дать Берингу чин командора, тысячу рублей в награду и послать его в новое плавание к Америке.

Узнав об этом, пришёл к адмиралам один важный человек, некий Делиль — в то время иностранцы забрали большую силу в государстве. Делиль принёс адмиралам карту и показал на карте большую землю.

— Она называется «Землёй Гамы», — сказал Делиль, — и если уж нужно золото и серебро, то в этой самой Земле Гамы и того и другого, по

слухам, — хоть отбавляй. Так что Беринг пусть сперва отыщет эту землю, а уж потом Америку.

— Тому и быть! — сказали адмиралы. Дали Берингу денег на новую экспедицию. И с важностью вручили ему карту Делиля. Посмотрел Беринг на карту, покачал головой. Недаром он был опытный моряк.

— Фальшивая это карта, — говорит. — Не может в этих местах быть Земли Гамы!

— Одни считают, что не может, — отвечает заносчиво Делиль. — Но другие, большие умы, полагают, что есть! Вот и нужно, значит, проверить... А это по плечу только такому опытному моряку, как вы.

И адмиралы согласно закивали головами:

— Да, да... Это наш главный приказ... Сначала искать Землю Гамы!

Делать нечего. Пришлось Берингу положить в сундучок и фальшивую карту.

День-день-дор...

Был Иван Иванович человек добросовестный. Велено искать Землю Гамы — придётся искать. Другое дело — можно ли её найти. А пока все силы употребил Беринг, чтобы собрать новый обоз. Хлопот с этим вторым обозом было не меньше, чем с первым.

Не будем снова рассказывать о дороге — обоз шёл примерно тем же путём. Заметим только, что в это путешествие Беринг взял учёного по фамилии Стеллер — человека чрезвычайно любознательного и энергичного.

Даже по дороге на Камчатку Стеллер ухитрился собирать образцы растений и камней и делать чучела мелких животных. Узнавал у стариков про целебные травы, соби-

Окончание. Начало в «Искорке» № 10.

рал и сушил их. А когда кто-нибудь из путешественников заболел, Стеллер лечил его отварами трав. Сам он никогда не болел, спал мало, двигался много, казалось, никогда не уставал и всё успевал делать. И хотя у Стеллера оказался неуживчивый и порой вздорный характер, Беринг ценил трудолюбие и знания учёного и часто беседовал с ним о предстоящем плавании...

На этот раз на Камчатке для нового путешествия по морю построили два корабля — на двух кораблях плавать надёжнее. Если разобьётся один корабль, другой придёт на помощь. Корабли назвали «Пётр» и «Павел». «Петром» командовал сам Беринг, «Павлом» — его друг и помощник лейтенант Чириков.

...Много дней, меняя курс, ходили корабли по морю в тех местах, где следовало быть Земле Гамы, и, конечно, ничего не заметили. Но потеряли много драгоценных дней. Погода начала портиться — туман окутал корабли, паруса потемнели от сырости, с канатов заскользили мутные капли.

Однажды утром туман рассеялся. Но сколько Беринг ни искал, второго корабля не увидел... Беринг вынул из кармана зрительную трубу, раздвинул её и с беспокойством оглядел горизонт.

Нет! Море было пустынно.

Беринг позвал артиллеристов и велел зарядить пушки

Бумм!.. Бумм!.. — загудели над морем выстрелы.

Стеллер выскочил на палубу в одной рубашке:

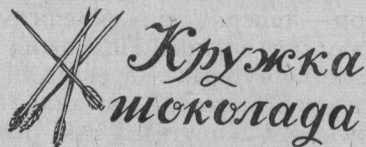
— В чём дело, господин командор? Неужели нас атаковал неприятель?

— Нет, — отвечал Беринг, — дело обстоит хуже: мы потеряли корабль Чирикова. Я приказал стрелять холостыми зарядами. Теперь нужно слушать: не откликнутся ли пушки «Павла»?

Но ответных выстрелов не было. Корабли потеряли друг друга навсегда.

— А всё фальшивая карта, — прошептал Беринг.

И он приказал оставить поиски Земли Гамы и направить корабль на восток — искать Америку...

Журчит вода, обтекая крутые бока корабля. Туго надуты паруса. Шестая неделя прошла с тех пор, как корабль покинул Камчатку. Уже питьевая вода на исходе, а Америки всё нет. Кругом один океан. Даже Беринг начал сомневаться: «Да будет ли хоть какая-нибудь земля?!»

Наконец моряки заметили — плывут по волнам свежие ветки с листьями. Значит, где-то подмывает берег большая река, кусты и деревья падают в неё и она выносит их в море...

— Смотрите, смотрите, господин командор, — говорит Стеллер, — птицы утром направляются нам навстречу, а вечером летят обратно... Они возвращаются на сушу... Наверное, земля всё-таки близко...

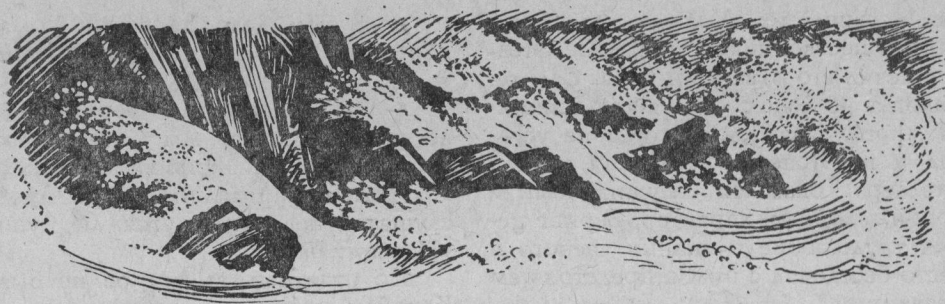
— И я так думаю, — отвечает Беринг. — Правда, уже ничто меня не радует. Я слишком устал и, наверное, болен...

И тут дозорный матрос на мачте закричал:

— Земля! Земля! Вижу землю...

Ещё немного — и все увидели громадную гору. Она была покрыта снегом и казалась розовой в лучах восходящего солнца.

Это была Америка!

Все радовались открытию. Подумать только! Ведь до них никто из европейцев этих берегов не видел!

Чем ближе подходил корабль, тем выше поднимались заснеженные пики гор — теперь они ослепительно сверкали на солнце. Подножия гор поросли могучими деревьями. Что там, в этих лесах? Какие дикие звери обитают? Живут ли там люди? Что растёт съедобного?

Радовался открытию и Беринг. Только выглядел он очень усталым и больным...

А Стеллер уже торопил его:

— Скорее, скорее! Нужно скорее высадиться на берег! Я — учёный. Я должен всё увидеть, исследовать, описать, засушить, положить в баночки со спиртом для сохранности... Что же вы молчите, господин командор? Прикажите поскорее спустить для меня шляпку!

Но Беринг молча разглядывал берег в зрительную трубу. Потом он сложил её ударом ладони и сказал:

— Америку, Стеллер, мы открыли. Но у нас остался только один корабль. Где корабль Чирикова? Неизвестно. Наверное, он погиб в волнах... Если мы не вернёмся на Камчатку, никто не узнает, что мы видели Америку. Для нас теперь самое главное — поскорее вернуться назад. Я прикажу только набрать воды на обратный путь, и мы сразу поднимем якорь...

Стеллер рассердился страшно:

— Приплыть в Америку для того, чтобы отвезти американскую воду в Европу! Если вы не дадите мне места в шляпке, я доберусь до Америки вплавь!

— В зрительную трубу я видел громадные водовороты, — говорит Беринг. — Боюсь, даже большая шляпка может опрокинуться...

— Дайте мне маленькую!

— На берегу вас могут съесть дикари...

— Пусть лучше съедят дикари, чем выносить потом в Петербурге от учёных насмешки. «Стеллер, — скажут они, — даже ногой не ступил на берег Америки». Нет, я просто умру, если не сойду на сушу!..

— Спустить маленькую шляпку и дать Стеллеру матроса для охраны! — распорядился Беринг. — Но если вы, Стеллер, не вернётесь через шесть часов, корабль не станет вас дожидаться. Так и знайте! Мы уплывём обратно, а вы останетесь в Америке навсегда!

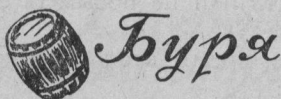
Перед самым отплытием корабля Стеллер вернулся. Камзол его был в глине, волосы взъерошены. Учёный тащил на себе большой мешок, в который успел собрать всевозможные цветы, листья, семена, травы и даже редкие камни...

— Берег населён, — радостно крикнул он, забыв о недавней ссоре. — Здесь живут туземцы! Увидев меня, они разбежались. Но я взял брошенное ими огниво, деревянную плоску, верёвку из коры и несколько стрел... Вот посмотрите, господин командор! Взамен я оставил им подарки...

Беринг был так рад, что Стеллер вернулся живым и невредимым, что приказал дать учёному из последних запасов большую кружку густого, сладкого, горячего шоколада.

Так они помирились...

Буря

Беринг не напрасно спешил в обратный путь. Погода портилась быстро. Похолодало. По небу понеслись тучи. Они всё темнели, опускались всё ниже и ниже и клубились над самыми мачтами. Потемнели и волны. Только на гребнях белела шипящая пена. Волны начали ударять в борта корабля. Ветер засвистел в снастях...

Беринг, прижимая одной рукой шляпу, другой махал, показывая на мачты. По лесенкам-вантам полезли матросы — убирать паруса. Всё загудело от ветра, захлопало, заплескалось, загрохотало. Налетела буря!..

Ни Беринг, ни его друзья, опытные моряки, такой сильной бури прежде не видывали. Нижние паруса убрать не успели — они лопнули, и обрывки их унесло в темноту. Корабль качало во все стороны. Он трещал и стонал каждой досочкой и гвоздём, и, когда на него накатывала большая волна, казалось, он уже никогда не сбросит воду с палубы и пойдёт ко дну. Мачты шатались, оборванные снасти извивались на ветру, как змеи, так что управлять кораблём стало опасно. Да и управлять было некому. Матросы совсем обессилели и не смогли бы удержать руль.

Корабль понесло ветром и волнами неведомо куда...

Беринг же совсем расхворался. Он приказал привязать себя к койке, чтобы не упасть на пол, лежал в душной каюте и прислушивался к ужасным ударам волн. На случай гибели корабля Иван Иванович давно уже распорядился приготовить большой просмоленный бочонок. Теперь было самое время упрятать туда все карты и записи. И запечатать в бочонок старинный сундучок с замочком и музыкой.

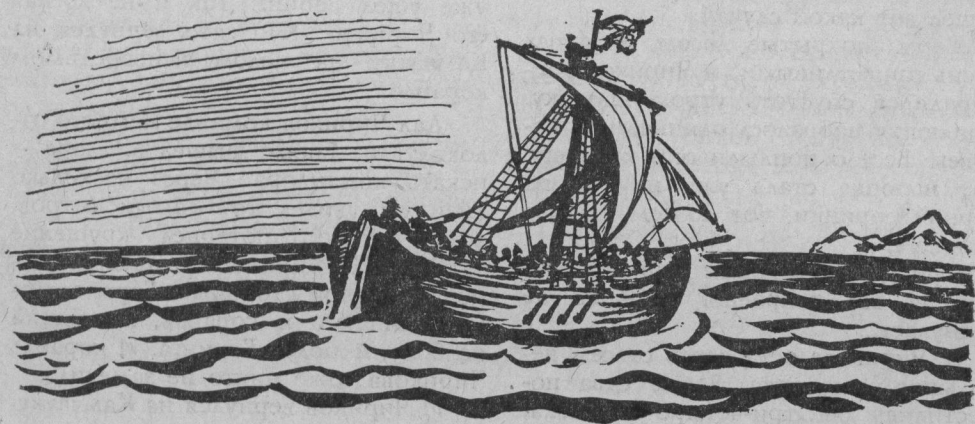
Необитаемый остров

Но всему на свете бывает конец. Кончилась и эта страшная буря. Рано утром с «Петра» заметили землю. Издали она была похожа на Камчатку, но когда корабль подошёл ближе, путешественники засомневались — больно низкие были горы... Всё-таки это была земля, и к ней решили пристать.

Бросили якорь, но подгнивший канат не выдержал и корабль потащило на прибрежные скалы... Бросили второй якорь. Но и этот остался на дне — канат снова не выдержал... Матросы кинулись в трюм за третьим, запасным, якорем, но было поздно. Камни приближались... Неужели гибель? Столько выдержали! Столько перетерпели!...

Громадная волна вдруг приподняла корабль и перетаскала его через камни. Люди были спасены. Но ко-

рабль оказался в ловушке: обратно его уже не перенесёт никакая сила...

Зато он стоял на спокойной воде и берег был совсем близко.

Спустили шлюпку. Ударили по воде вёсла. И Стеллер, который не унывал даже во время бури, первым выскочил и побежал по твёрдой земле! Это была суша! Но несла ли она путешественникам спасение?

Поздно ночью Стеллер постучал в каюту в больному Берингу.

— Что? — спросил Беринг слабым голосом. — Камчатка ли это?

— Боюсь, что это — остров... — отвечал Стеллер. — Правда, я ещё не успел обойти его вокруг: он достаточно велик. Но среди камней живёт великое множество песцов. Они подбегали ко мне без всякого страха, и некоторые пытались грызть мои кожаные сапоги! Вы понимаете, что это значит? Непуганые звери встречаются там, где нет человека. Это остров, господин командор! Не обитаемый остров!..

Потерянный корабль

А что же корабль Чирикова?

Когда корабли потерялись в тумане, Чириков решительно повернул свой парусник на восток. Его плавание до Америки было спокойным. И он увидел её даже на один день раньше Беринга.

Но у американского берега произошёл вот какой случай.

Горы, покрытые лесом, казались очень приветливыми, и Чириков распорядился спустить утром шлюпку. В шлюпку набралось одиннадцать человек. Весело поплыли они к берегу. Вот шлюпка стала уже не больше чёрной соринки, вот совсем исчезла из виду...

Три дня дожидался Чириков людей. И всё напрасно. Шлюпка не вернулась...

У Чирикова оставалась совсем небольшая шлюпочка. В неё едва поместились бы три-четыре человека.

«Посылать или не посылать её к берегу?»

В это время кто-то из команды крикнул:

— Огонь на берегу! Это наши зажгли костёр и подадут знак!

«Или зовут на помощь, — подумал Чириков. — Наверное, шлюпку повредило камнями. Потому они и не смогли вернуться...»

И Чириков разрешил спустить последнюю, маленькую шлюпку. Теперь на берег отправились четверо. Они взяли бочонок воды и всё, что нужно для починки большой шлюпки.

Но и эти четверо исчезли без следа...

Далёкий лес уже не казался таким гостеприимным, в нём виделось что-то грозное, враждебное и тёмное... И тогда Чириков приказал стрелять по берегу ядрами. Ядра с воем понеслись к берегу и ломали деревья.

Но таинственный лес безмолвствовал.

Грустный плыл Чириков вдоль берегов: он потерял опытных матросов и преданных людей...

С этого дня судьба, словно нарочно, стала делать всё так, чтобы Чириков опаздывал. Вот его корабль бросил якорь там, где совсем недавно стоял корабль Беринга, — напротив больших заснеженных гор. Но Беринг уже отчалил в обратный путь, и, конечно, ничто Чирикову поведать об этом не могло... Вот Чириков словно идёт по невидимому следу за кораблём Беринга. Вот-вот догонит! Вот-вот увидит его паруса!.. Но нет, уже ушёл Беринг. Так и не догнал его Чириков... Но зато вернулся на Камчатку на целом и невредимом корабле.

Дал Чириков команде немного отдохнуть и снова вышел в море — искать командора... Через несколько дней он увидел тот самый остров, возле которого потерпел крушение «Пётр». Но Чириков подошёл к острову с другой стороны... Горы заслонили от него и корабль, лежавший на боку, и людей Беринга. И корабль Чирикова тоже никто не заметил.

И Чириков вернулся на Камчатку.

Смерть командора

На острове поспешно рыли землянки. Зима была совсем близкой. Уже выпал первый снег.

В одну из землянок перенесли и Беринга. Его укутали в одеяла и шубы, но Берингу всё было холодно. Кровь не грела его.

В полусне или забытии проводил он последние дни своей жизни. И прошлые годы быстро проносились в его смутной дремотной памяти.

Чистенький домик на зелёном холме, цветы в поле, женщины в белых чепцах и передниках — давно забытая Дания. Качающиеся палубы кораблей. Музыка на балах царя Петра в Петербурге. Далёкий тяжкий путь к восточным морям. Розовые от лучей солнца вершины американских гор...

Беринг очнулся и попытался дотянуться до своего сундучка. Но сил у него уже не было вовсе.

К вечеру в землянку заглянул Стеллер. Учёный принёс чай, настоянный на целебных травах. Беринг покачал головой. Потом он с большим трудом снял с шеи шнурок с ключиком от сундучка и отдал Стеллеру.

Ночью Беринг умер.

Возвращение

Собственно, на этом мы могли бы наш рассказ закончить. Командор Беринг умер, но он достиг цели и побывал в Америке.

На это ему понадобилось почти двадцать лет...

Теперь на карте можно было обозначить не фальшивую Землю Гамы, а настоящую — берег Северной Америки.

Пролив, где Беринг плавал на север и на юг, называли Беринговым. Море — тоже. Острова, где разбился корабль, — Командорскими, а остров, где остался он навеки, — островом Беринга...

Можно было бы ещё много рассказывать и про смелого и доброго лейтенанта Чирикова, и про находчивого и неунывающего Стеллера, и про то, как учёный обнаружил на острове неизвестное до него морское животное, названное «коровой Стеллера», и о многом, многом другом. Но это будут совсем уже другие рассказы.

Мы же вспомним о тех, кто после смерти командора остался на острове.

Они пережили зиму и стали думать — как попасть на Камчатку.

Настали тёплые дни, и моряки принялись строить из остатков большого корабля совсем маленький. Всё пошло в дело — старые брёвна, ржавые гвозди, обрывки парусов...

Получилась большая лодка — парусный бот. Бот, конечно, не был так красив и крепок, как прежний корабль, но на небольшое плавание годился.

Все люди поместились в нём, хотя и в страшной тесноте. Впрочем, плыть им было недалеко. Через несколько дней путешественники увидели горы Камчатки.

Здесь Стеллер отыскал Чирикова и отдал сундучок командора. Вместе с ключиком.

Чириков передал сундучок жене Беринга.

Потом сундучок перешёл к сыну, а от него — к внуку.

Спустя много лет следы сундучка затерялись. Но где-то хранится же он, этот сундучок с музыкальным замочком. И, может быть, всё ещё слышится нехитрая мелодия старинной песенки:

...Ах, любезный, жду в печали
Твой корабль из дальних стран...
Динь-динь-дон...

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Я сижу в учительской и думаю, как мало знала я про своих учителей, когда была школьницей. Мы с ними жили как будто в театре. Они — на сцене, мы — в зрительном зале. Прозвенел звонок, ушли учителя за кулисы, а что там происходит, нам, ученикам, неизвестно. А ведь это несправедливо. Нам, ученикам, надо знать, как много нужно сделать учителю, чтобы состоялся самый обыкновенный урок.

Прозвенел звонок на перемену.

Школа зачумела, загудела, забегала. Одни помчались в столовую, побыстрее встать в очередь за пирожками, другие, разметая на своём пути мелкую сошку из начальных классов, устремились в спортзал. Третьи... У каждого из полутора тысяч ребят, которые учатся в этой школе, своя траектория. У учителей — разнообразия меньше. Те, кто дежурит, — пошли на свои посты. Остальные — в учительскую.

Первой просто-таки впорхнула молодая учительница начальной школы. За ней шёл пожилой математик.

— Представляете, у меня Тропинин руку поднял. Вызвался отвечать. Сам! Представляете...

— И как? — поинтересовался математик Лев Николаевич.

— На «троечку». Но это неважно. Важно, что сам!

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9, 10.

Народу в учительской всё больше. Кто-то беспрерывно звонит по телефону — надо же и с собственным ребёнком поговорить! По рукам идёт журнал мод — к Новому году платье сшить тоже надо. И говорят учителя, как дети, — все разом.

— Товарищи! Семиклассники стонут — нельзя же по три контрольных в день давать. Понятно, что конец четверти, но всё же... — призывает завуч.

— Завтра сбор у шестых классов. Классные руководители, напомните детям о парадной форме, — это старшая пионервожатая.

— Уважаемая Татьяна Олеговна, урезоньте своих восьмиклассников. Я замещала у них историю. Спрашиваю, что задавали на прошлом уроке? Они вопят: «Ничего. Книжку вслух читали», — строго говорит учительница истории Ирина Петровна.

— Вечная школьная шутка, — печально отзывается Татьяна Олеговна.

В эту минуту дверь открывается и вместе с гвалтом перемены в учительскую входит с рулоном карты и указкой симпатичная Ольга Ивановна, «географичка».

— Всё. Провалилась.

— Что случилось, Ольга Ивановна? — обернулись все к ней.

Оказалось, что на уроке у неё были гости — директор школы и районный методист. Просидели все 45 минут, а потом объявили:

— Очень слабый урок. Дети не знают материала. И совершенно распухли.

Словом, Ольге Ивановне поставили «двойку».

— Не расстраивайтесь, Оленька, — сказал сочувственно Лев Николаевич. — Неудачные уроки бывают у каждого. А вы-то лишь год работаете в школе.

— Ну, почему, почему! — вскинулась Ольга Ивановна. — Они словно с ума посходили. Вызываю первым Володю Кириллова. Вы ж знаете, он на районной олимпиаде по географии в прошлом году выступал. Очень внимательный мальчик. И вопрос простенький: «Климатические зоны гор». И он начинает что-то мямлить, указкой тычет невпопад. Ничего себе — любимый ученик!

— А потом?

— Задаю дополнительные вопросы. Вытянула на «четвёрочку». Вижу, директор нахмурился. Говорю: «Достанем контурные карты». Так пятеро — пятеро! — дома забыли. Карандаши друг у друга тянут. Шепчутся, хихикают. Что с ними стало? Я растерялась, прикрикнула. Утихомирились. Но ведь по глазам видно — не слушают. Что с ними, как вы полагаете?

— Полагаю — солнечный удар! — улыбнулся Лев Николаевич. — Смотрите, какое солнышко хорошее. Им бы на лыжи да в лес.

— Вам смешно, да? — чуть не плача, спросила Ольга Ивановна.

— В руках надо их держать, так чтоб не пикнули! Поставить несколько «двоек», вызвать родителей, устроить сбор отряда по поводу дисциплины... — вмешалась Ирина Петровна.

— А лучше без обеда оставить и выпороть ремнём, — в тон ей предложил Лев Николаевич.

— Вы у нас известный гуманист, уважаемый Лев Николаевич, но только одними добрыми словами и увещаниями не обойдёшься.

— Разве мы с учениками враждующие племена? — изумился Лев Николаевич. — Мы норовим их отругать, заставить, вынудить. Учёба — интересное ж дело, а не скучная повинность. Социологи подсчитали:

дошколята в день задают чуть ли не по триста вопросов, четвероклассники — пять-восемь, а девятиклассники — один, и то под нажимом. Выходит, были любознательными, интересующимися, а стали ленивыми и тупыми?

— Учёба — это труд, — возразила Ирина Петровна. — А труд — когда трудно.

— Ерунда, знания должны, как жареный пирожок, поглощаться со вкусом, с удовольствием.

— Не выдумывайте, Лев Николаевич.

— Это не я выдумываю. Это учёные утверждают.

— Ради красного словца — и не то скажут, — повела плечом Ирина Петровна. — Требовательность и ясность — вот девиз каждого учителя.

Звонок вернул учителей от педагогического спора к будням. Все заспешили к своим кабинетам. Ирина Петровна выплыла из учительской первой.

Лев Николаевич, обернувшись к Ольге Ивановне, которая промакивала глаза платком, сказал нарочито громко:

— А вы, Оленька, соберитесь, улыбнитесь и марш-марш вперёд! Учительница, как актриса, должна быть всегда весёлой и доброжелательной.

Ольга Ивановна обернулась и шагнула за дверь, в школьный коридор, как на сцену. Уверенная, быстрая, всё знающая.

— А вы, Лев Николаевич? — спросила я, когда учительская затихла.

— У меня «окно» в расписании — пустой урок.

И тогда я задала вопрос, который давно вертелся на языке:

— Лев Николаевич, объясните, почему одного учителя ребята любят и на уроки к нему бегут с радостью, а на других уроках — мух считают, откровенно зевают. Почему слова одного скользят мимо нас, не задевая ума, хотя говорит учитель важные и нужные вещи, а другого слушают так, что злятся на звонок, который помешал уроку?

— Вот вы как думаете, что такое хороший, талантливый учитель?

— Добрый, знающий свою науку, любящий ребят человек, — ответила я.

— Ну, а ещё, ещё, какими ещё качествами должен обладать хороший учитель? — не унимался Лев Николаевич.

— Честный, справедливый... — я задумалась.

— Ладно, — сказал Лев Николаевич. — Помогу. Учёные для каждой профессии составляют специальные карты — профессиограммы. В них перечисляются свойства характера, качества, которыми должен обладать тот, кто выбирает для себя эту специальность. Так вот в профессиограмме учителя почти 300 таких пунктов. 300! Мало того, что он должен уметь непонятное делать понятным, объяснять, убеждать, наставлять. Этому ещё можно научить в педагогическом институте. А вот как быть одновременно твёрдым и мягким, настойчивым и тактичным. Как стать догадливым, как Шерлок Холмс, любознательным, как первоклассник, и ответственным, как миссис... Как соединить в себе волю, веру, искренность, артистизм, отличную память, отменное здоровье,

творческий склад ума, гибкость, осторожность, смелость...

Лев Николаевич остановился, передохнул.

— Если так, то в учителя надо отбирать, как в отряд космонавтов...

— Конечно, — улыбнулся Лев Николаевич, — только вот в чём проблема — этот отряд должен быть огромным. Знаете, сколько школ в стране? 350 тысяч! А учителей? 3 миллиона! И если кто-то из них неверно выбрал профессию, если у него не хватает хотя бы одного из трёхсот качеств — беда!

— Что же делать?

— Учиться, — сказал Лев Николаевич и достал из портфеля пухлую тетрадь. — Это третий том моей работы над ошибками. После каждого урока записываю, что получилось, а что — нет. А ещё здесь собраны хитрости — большие и маленькие. Они могут помочь учителю.

И мы открыли тетрадь.

ХИТРОСТИ ИЗ БЛОКНОТА МАТЕМАТИКА

Однажды, когда Лев Николаевич был совсем молодым учителем, он вёл урок математики и заметил, что на трёх последних партах его совсем не слушают.

Лев Николаевич подошёл поближе и увидел, что идёт оживлённый обмен значками. Лев Николаевич был ещё молодым и строгим. Он потребовал: «Положите мне на стол и свои значки и дневники». Мальчишки поплелись к столу, но... внимательнее слушать не стали. Теперь они размышляли о неприятностях, которые им грозили. «Эге, — подумал учитель, — я сделал что-то не так».

Конечно, было бы хорошо, если бы дети в раздевалке вместе с пальто оставляли все свои заботы, радости и огорчения, все свои увлечения. Думали только об одном: скорее, скорее научиться чему-нибудь. Но разве только за знаниями спешит человек в школу? Вовсе нет. Знания можно получить и дома, из учебника. А он идёт общаться и с ре-

бятами и с учителем. «Значит,— думал Лев Николаевич,— чтобы меня ученик услышал — надо... чтоб и я слышал его, чтобы и я интересовался его жизнью».

И Лев Николаевич придумал хитрость. В следующий раз, заметив, что мальчишки опять заняты чем-то своим, он не стал «принимать меры», а громко обратился к одному из них:

— Серёжа, ты, говорят, ярый болельщик, так помоги нам решить задачу. Объясни, что такое олимпийская система игр за кубок?

Серёжа вскочил.

— Вы про что спрашиваете? — спросил он на всякий случай.

— Про футбол. Про олимпийскую систему.

— А это очень просто,— обрадовался Серёжа.— Команды играют до победы. Ничьих не бывает. Проигравшая команда вылетает.

— Молодец, Сергей. Ну, а теперь представь себе, что заявки на участие в кубке подали 16 389 команд. Со всей Галактики. Сколько матчей будет сыграно, пока выяснится, кто победил?

Серёжа хмыкнул и принялся чертить схему.

— Вот кубок — финал, две чёрточки к полуфиналам, от полуфиналов ещё по две чёрточки — четвертьфиналы.

Но через минуту Серёжа понял, что схема будет слишком большой. И нарисовал таблицу. Его приятели также упорно считали.

— А ведь всё гораздо проще,— едва заметно улыбнулся математик.— После каждого матча выбывает одна команда. И остаётся однаединственная. Отнимем от 16 389 «единицу» — 16 388. Вот сколько игр!

— Красиво! — восхищенно сказал Серёжка.— А я-то...

— Понимаете, математика вообще красивая наука. Остроумная. И самая лёгкая из всех наук,— сказал Лев Николаевич.

— Лёгкая? — недоверчиво покосилась Серёжкина компания на учебник, пестрящий уравнениями.

— Конечно, лёгкая,— невозмутимо

мо подтвердил учитель.— В ней очень просто совершить открытие. Не надо приборов, как в физике, реактивов, как в химии, микроскопа, как в биологии. Только — голова и чувство юмора. Решил задачки — и неизвестное сделал известным. Разве это не открытие?

— А ещё задачи про футбол есть? — спросил Серёжа.

— Есть,— радостно кивнул Лев Николаевич.

С урока каждый из ребят уходил с листом задач и примеров, которые выбирал сам: про футбол, про космос, про индейцев. И, между прочим, Серёжа в тот вечер пропустил даже детектив по телевизору, так захотелось ему сделать открытие.

А Лев Николаевич записал в свою тетрадку красным фломастером: «Если дети увлекаются учением, то заставлять заниматься их не нужно. Пусть сами выбирают задачи, сами их придумывают, даже пусть урок помогут вести».

Следом в тетрадке учителя шли хитрости, придуманные другими педагогами. Например, Шалва Александрович Амонашвили, который живёт и работает в Грузии, убедился, что можно учить без «пятёрок» и «двоек». Он вообще не ставит отметок своим ученикам, которые приходят в школу в шесть лет. Он даже учит их спорить с учителем. Ведь плохо, если ты со всеми соглашаешься, не умеешь отстаивать своё мнение, не умеешь сам думать.

Шалва Александрович знает, что стоит только серьёзным тоном спросить малышей-первоклассников: «Дети, это правильно?» И они хором соглашаются: «Да», даже если учитель явно ошибается. И Шалва Александр

рович начал с этим бороться. Он перепутает буквы в слове и спросит: «Я сделал в примере ошибку, найди-те её, пожалуйста». Или попросит: «У меня не получилась задачка, давайте решим её вместе». Таких хитростей у Шалвы Александровича очень много.

А учитель математики из Донецка Виктор Фёдорович Шаталов придумал, как обойтись без зубрёжки. У него на уроке ребята пишут специальный короткий конспект, который помогает следить за мыслью учителя. Взглянул дома на этот конспект — и сразу вспоминаешь урок, и в голове у тебя всё как по полочкам разложено.

У ленинградского учителя литературы Евгения Николаевича Ильина свой секрет. Он на своём уроке литературы умеет задавать такие интересные вопросы, что невольно захочешь внимательно прочитать книжку, о которой Евгений Николаевич говорит. Он спросит: «В сти-

хотворении Некрасова «Железная дорога» есть такие строчки: «Добрый-папаша! К чему в обаянии умного Ваню держать?»... А из чего это видно, что Ваня умный?» Или спросит: «Давайте отгадаем, в какой город поехал Чичиков за «мёртвыми душами»? Гоголь написал, что это был некий губернский город Н. Но если вчитаться в поэму внимательно, то можно выяснить, что за город скрывается за этой буквой?»

Вместе с Евгением Николаевичем ищут ребята ответы на эти вопросы. Даже когда урок кончается, литературные герои не оставляют их в покое. Ребята ворчат: «Ну вот, задали вопросик. Теперь думай всю перемену».

Много таких интересных записей в тетрадке Льва Николаевича. Но давайте, ребята, присмотримся к своим учителям, а какие хитрости есть у них?

В н и м а н и е!

Эксперимент продолжается!

Участники эксперимента:

Ты, читатель «Искорки», твои друзья, одноклассники, родители...

Условия эксперимента:

Искренние ответы и вопросы.

Цель эксперимента:

Помочь школьной реформе претвориться в жизнь.

Наше практическое задание:

Испытать себя в роли учителя — с младшим братом или сестрой, с ребятами во дворе, с октябрятами в подшефном классе.

Что у тебя получилось?

Что было самым трудным?

Что было самым интересным?

(Окончание следует)

СКАЗКИ, СКАЗКИ, СКАЗКИ...

ТЕАТРА ТЕНЕЙ

Дорогие читатели! Мы не встречались с вами несколько месяцев. Но причиной тому — не злой умысел, а ваши письма. Письма с ответами на задания четвёртого вечера мы получали всё лето и осень. Только-только к ноябрю разобрались. А разбираться было с чем: письма пришли из Ленинграда, Всеволодска, Петродворца, Гатчины, Ломоносова, Кингисеппа. В каждом была сказка. Или две. А иногда и больше. Писали мальчики и девочки. Самому младшему нашему корреспонденту было только восемь лет, а старшему было уже четырнадцать. Но разве в этом дело, когда речь идёт о сказке?

Сегодня наш пятый, последний вечер в Театре теней. И начинаем мы его с разговора о присланных вами письмах. Вот они лежат — из одного край рисунка торчит, из другого открытка выпала. А почерки-то, почерки! Да и грамматические ошибки, к сожалению, есть... Но мы старались основное внимание обращать на сказки, а все сказки хороши, и вы, наши кор-

респонденты, поэтому все — молодцы.

Во всех ваших сказках, как и предполагается, торжествует добро. Здесь ребята от сказочных правил не отступили. И правильно сделали!

А вот в другом — отступали, и не раз. Например, всех наших героев между собой перезнакомили. Бабочку — с уткой, поросёнком и ослом, собаку — с бабочкой, утку — с волком и так далее. Не всё в этой сказочной дружбе получалось, но в конце концов все герои поняли, «что вместе быть лучше, чем по отдельности». Это нам в Театре теней тоже очень понравилось.

Понравилось нам и то, что персонажей в ваших сказках оказалось больше, чем мы просили. Мы там и тигра встретили, и льва, и кота... Это тоже хорошо. Тем более что ребята придумали, как показать некоторых новых героев на экране теневого театра.

Но как нам показать читателям всё, что вы, ребята, напридумывали?

И мы позвали на помощь художника. Художник тоже прочитал все ваши письма и нарисовал для ноябрьской «Искорки» четвёртую страницу обложки (мы иногда её называем — «спинка»), на которой поселил всех придуманных вами персонажей. Правда, фамилий авторов сказок он под рисунками не поставил. Но так даже интереснее! Он уверен, что вы во всём разберётесь сами.

Окончание. Начало в «Искорке» № 1, 2, 3, 4.

ИТОГИ ПРОВЕРКИ ДОМАШНИХ РАБОТ

«Пятёрки», «четвёрки» и прочих оценок мы, конечно, не ставили. Но вот лучших наших корреспондентов — отметили.

Самыми постоянными и лучшими авторами Театра теней оказались:

СМОРОДИНА НИКА из 6-го класса школы № 489 г. Ленинграда,
ХМЫЛКО НАТАША из 2-го класса школы-интерната № 5 г. Ленинграда,
ВЕНГРИНОВИЧ ОКСАНА из 6-го класса школы № 242 г. Ленинграда,
КАРЛОВ ВАНЯ из 5-го класса школы № 306 г. Ленинграда.

Они выполнили все домашние задания, придумали интересные сказки и теперь **ОБЯЗАТЕЛЬНО** получают призы.

Специальными призами за фантазию мы также отмечаем: **ЛЮБУ К.**, ученицу 7-го класса Лодейнопольской школы за рисунок новой фигуры Театра теней — **ПОПУГАЯ**. Вот посмотрите, как он делается.

ПОПУГАЙ

КУРШЕВУ ЮЛЮ, ученицу 4-го класса школы № 498 г. Ленинграда. Юля придумала силуэты **СТАРУШКИ-СКАЗОЧНИЦЫ** и **КОТА**. (Кота смотрите на 4-й странице обложки).

А в конце пятого вечера мы полностью поместили две лучшие, на наш взгляд, сказки. Пусть их прочтут и послушают все наши читатели.

«РУССКИЕ» ТЕНИ

Да, дорогие зрители, пришло время познакомиться с русским теневым театром. Причём, вам повезло, потому что сразу из музея вы отправитесь на репетицию настоящего, ныне работающего теневого театра. Но давайте по порядку.

Диковинный театр завезли в Россию в XVIII веке. Правда, во времена Елизаветы Петровны теневого театра, как и театр кукольный, считался «игрищами позорными», и просвещённого взгляда высшего общества он удостоен не был.

Однако эта диковинка жила. И... дождалась своего часа. В 1918 году в Москве, в Мамонтовском переулке, по инициативе Натальи Сац был организован кукольный театр Ефимовых. Известные художники и кукольники Ефимовы давали в нём петрушечные и теневые представления. Сначала показали в телях сказку Андерсена «Тень», потом — русскую сказку «Мена». Выступали у Ефимовых русские тени, то есть «актёры» выпиливались из фанеры в профиль,

руки у них были подвижные, голова — тоже. Такая профильная марионетка устанавливалась прямо перед источником света и отбрасывала тень на экран. Передвинешь марионетку — тень уменьшается или увеличивается. Но вот четкой она на экране никогда не была.

И вот что ещё интересно. Теневые представления в 1918 году сравнивали... с кинематографом! И надо сказать, совсем не в пользу последнего. Но история рассудила по-своему и далеко развела эти два вида искусства.

А сейчас мы приглашаем вас в настоящий теневого театр!

В ГОСТЯХ У ЖИВЫХ ТЕНЕЙ

Когда мы узнали, что и сейчас в Москве, на Измайловском бульваре, есть Театр теней, то тут же отправились в Москву корреспондента.

Встретила нашего корреспондента директор Московского Театра теней Анна Ефимовна Климова. Сначала она усадила корреспондента в кресло и рассказала, как всё начиналось.

— Это было почти пятьдесят лет назад, — сказала Анна Ефимовна. — В 1937 году в Московском музее детской книги был организован кружок юных графиков. И однажды среди экспонатов музея появился небольшой экран, на котором ожили чёрные силуэты героев «Ти-

ля Уленшпигеля», сказок Пушкина, поэм Некрасова. Постепенно кружок стал профессиональным театром, и вот уже движущиеся на экране тени рассказывали про «Диких лебедей» Андерсена, разыгрывали «Теремок» и «Кошкин дом», «Старика Хоттабыча», «Айболита», «Оловянные кольца».

— А какие это были тени? — спросил корреспондент. — Как в индонезийском ваянге? Или тени китайские, или русские?

— О! — обрадовалась Анна Ефимовна. — Вон сколько вы про теневой театр знаете! Хорошо! Приятно со знающими людьми разговаривать. Сначала спектакли у нас играли только «русские» тени, как у Ефимовых (вы рассказали о театре этих знаменитых кукольников в своём Музее театра теней). Выходило интересно, но... Во-первых, цветными «русские» тени не сделать. Во-вторых, экран освещается плохо. В-третьих, на «русских» тенях не всё можно показать...

Думали в театре, думали, а тут на гастроли в СССР приехал китайский теневой театр. Мы у них опыт и переняли. С пятидесяти годов поселились в Московском театре теней китайские тени. Только делаем мы марионетки для теневых представлений не из промасленного пергамента или кожи, как в Китае, а из прозрачного разноцветного целлулоида. Наши герои стали яркими, подвижными. И на экране всё чётко и ясно видно. Да и придумать можно такое, о чём раньше и мечтать не могли.

— Анна Ефимовна, — спросил корреспондент, — а какие актёры у вас работают?

— Актёры-кукольники. Конечно, для работы с тенями им надо немного переучиться, но основа дела не меняется. Надо оживить куклу, её силуэт на экране. Надо заставить её не только перемещаться по освещённому полотну, но дышать, радоваться и радовать зрителей. Актёр и в теневом театре — душа куклы.

— А как вас принимают зрители?

Анна Ефимовна улыбнулась.

— Хорошо принимают. Только вот специфику театра теней понимают очень забавно. Войдут в полутёмный зал, увидят огромный белый мерцающий экран и говорят: «Ого, какой большой телевизор!» Только потом, уже после спектакля, понимают, что теневой театр никакого отношения ни к кино, ни к телевизору не имеет. Впрочем, вы это и сами поймёте, — заключила она и повела корреспондента на репетицию.

...Зал был действительно маленький, а экран большой. И так как зрителей в зале не было, то сбоков экрана было видно, как заходят за него актёры, берут в руки марионетку, прижимают её палочками к полотну экрана и начинают работать. Но, честное слово, насколько это всё не мешало. Потому что сцены из спектакля «Цирк», который репетировали в тот день в театре, просто завораживали.

Откуда-то — то прямо сверху, то сбоку, то наискосок — неожиданно появлялись на экране силуэты танцовщицы на проволоке, которая раскачивала по экрану, как хотела и куда хотела; укротителя зверей, который бесстрашно «укрошал» уда-

ва такой длины, что его хвост не умещался на экране; клоунов, жонглёров, зверей... Над этими «актёрами» не были властны никакие законы физики — ни закон земного тяготения, ни механики. Здесь царил один закон — **ВООБРАЖЕНИЯ**.

А теперь прочтите сказки победителей нашего конкурса.

СОБАКА И ОСЁЛ

Давно, когда ещё звери в лесу были дикими, в лесу жили осёл и собака. Собака была скромной, и поэтому звери считали её глупой.

А осёл был хвастливым и самым крикливым из всех зверей. «И-а! И-а!» — раздавался его крик в лесу с утра до ночи.

И вот однажды осёл и собака встретились в лесу.

— Привет, собака! Ты куда спешишь? — спросил осёл.

— Да вот, осёл, иду к человеку. Надоело мне по лесу бегать, — ответила собака. — Хочешь со мной пойти?

— Давай! — сказал осёл. — Только я боюсь, не возьмёт тебя человек. Ты — глупая, на что ты ему?

— Может, и сгожусь, — ответила собака.

Через несколько дней пришли они к жилищу человека. Принял их человек, накормил, а на следующее утро заставил работать. Собака ходила с ним на охоту, охраняла жилище, была умной и прилежной. Осли человек тоже заставил работать. Навьючил на него тюки с зерном и погнал на поле. Заупрямился осёл, не хочет работать.

— Ну и глупый ты, осёл, — вскричал человек. — Убирайся в лес, мне такие не нужны.

И пришлось ослу вернуться в лес. Так хвастливые и крикливые — не всегда умные, а скромные и молчаливые — не всегда глупые.

Ника Смородина, 6-й класс

ВОЛК И СВИНЬЯ

И корреспондент вспомнил слова благодарности юных зрителей, которые записаны в книге отзывов в театре. «Спасибо артистам за радостный праздник!» — писали ребята, и корреспондент с удовольствием повторил эти слова.

Жил-был волк. У него был один бок — белый, другой — розовый. Щеголял волк так по всему свету, а отчего стал серым, так это свинья виновата. Вот как это было.

Дружили волк со свиньёй уже два года. Надоело свинье с волком дружить. Он, хоть и красивый, но жадный. Он ведь сильнее! Он добычу достанет, всё съест, а свинье только обеды оставит. Разве так друзья поступают?

И решила свинья волка проучить. Красоты лишит. Соврала свинья, что в доме у одного старика есть семь овец. Подошли свинья и волк к этому дому, а дом — каменный, двери — дубовые, на них засовы медные, ставни на окнах крепкие. Спрашивает волк свинью: как же в этот дом залезть? А свинья ему и говорит:

— Вон видишь трубу наверху? Лезь туда.

Сказала. Волк полез на крышу, а свинья — скорее убежать.

Влез волк в дом, ничего не нашёл, вылез обратно через трубу, хотел свинье горло перегрызть, а свиньи — нет как нет.

Пошёл тогда волк к озеру вымыться. Взглянул, а из озера на него чудище смотрит чёрное. Давай он в озеро отмываться, да только копыт и сажа так к нему пристали, что никак не отмыть. Правда, отмылось немного, но всё равно волк серым стал.

С тех пор волки на свиней и кабанов охотиться стали.

Оксана Венгринович, 6-й класс

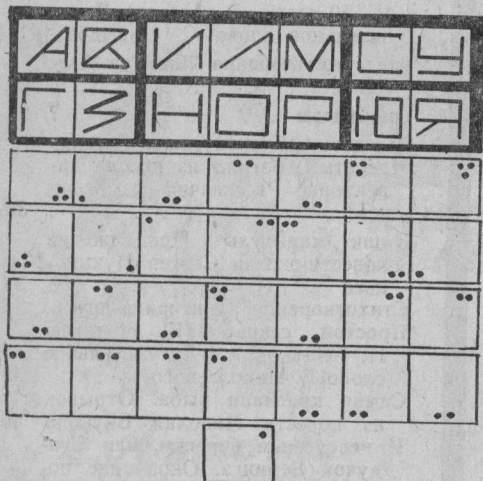
Рис. Л. Московского

КОНКУРС «МОЛОДОСТЬ МИРА»

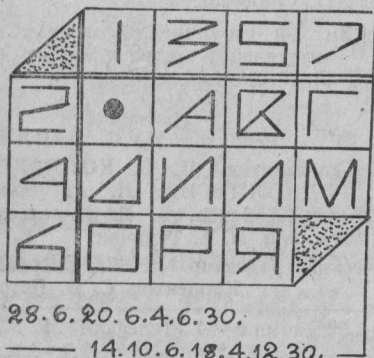
Между смекалистами, решившими задания, опубликованные в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 января.

ТОЧКИ, ТОЧКИ...

Задания такого типа никогда ещё не печатались в «Искорке». Разгадав секрет головоломки, прочтёте строку из стихотворения Игоря Зуева (4 очка).

УМНОЖЕНИЕ Составила Юлия Ефремова (317-я школа)

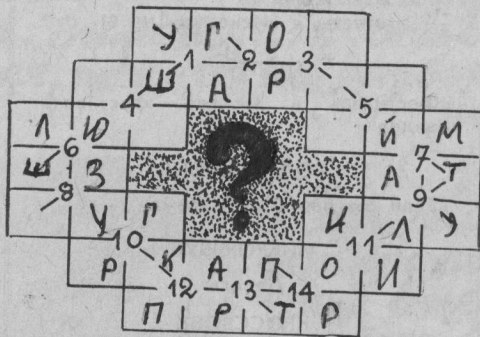

Найдите секрет головоломки и прочтите название известного романа. Кто его автор? (2 очка).

Отдел ведёт Н. А. Садовый

ЦИКЛОКРОССВОРД

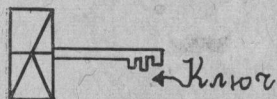
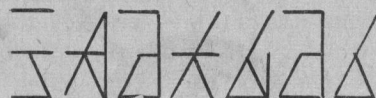
В этом кроссворде все слова состоят из четырёх букв. Читаются они по часовой стрелке и начинаются в клетке, отмеченной чёрточкой: 1. Скопление рыхлого губчатого льда. 2. Возвышенность. 3. Неглубокая пещера со сводчатым потолком. 4. Колющее оружие. 5. Испанский живописец. 6. Оросительное сооружение. 7. Период игрового времени в играх с мячом. 8. Столица союзной республики. 9. Старинный русский город. 10. Геометрическая фигура. 11. Порт во Франции. 12. Пресноводная рыба. 13. Судовая лестница. 14. Место стоянки кораблей (5 очков).

ЗАГАДКА

Весь я сделан из металла,
Чуть похож на древний шлем.
Хоть во мне металла мало,
Нужен я портнихам всем.

(2 очка)

ШИФР
Составила Настя Белозёрова
(318-я школа)

С помощью ключа прочтите название периодического издания для детей (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

[ответы к «Искорке» № 9]

ПЛЕТЁНКА

«Фестиваль в Москве — фестиваль везде»

ХОДОМ КОНЯ

«Если бы парни всей земли...»

МИКРОРЕБУС

Делегат

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Сиг. 5. Биатлон.
8. Лотос. 9. Носов. 11. Белянка.
12. Инд.
По вертикали: 1. Пихта. 3. Силомер.
4. Болонка. 6. Лот. 7. Ток. 10. Пяру.

ИЗ ТРЁХ — ЧЕТВЁРТОЕ
«Щелкунчик»

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 8, был разыгран приз. Он достался ученице 6-б класса 485-й школы Гале Кутеевой.

Содержание

Эти удивительные роботы. Очерк Г. Черненко	1
Петровская набережная. Главы из повести Михаила Глиники	7
Искорка советует: Прочти эту книгу	13
«Трубач революции». Заметки из «Международной почты» С. Руховича	21
«...С юным знаменем на коне» (К 50-летию Л. Агеева) Вступительное слово С. Давыдова	22
Три стихотворения Леонида Агеева	22
Три сказки	26
Рассказы об экономике. Рассказ десятый. Взгляд из кресла директора. Рассказчик В. Ковичев	30
Наши каникулы. Продолжение повести-сказки Сергея Лукницкого	38
Стихотворения Виктора Гюго	42
Простой секрет (К 60-летию Н. Внукова). Вступительное слово Б. Никольского	44
Самая красивая рыба. Отрывок из повести Николая Внукова	46
К неведомым берегам, или Сундучок Беринга. Окончание повести Олега Орлова	48
Расписание на послезавтра. Продолжение очерка Н. Чаплиной	54
Театр теней. Вечер пятый. Сказки, сказки, сказки... Руководит театром Ольга Кустова	59
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок Л. Уральской «Праздник».	
На 2-й странице обложки репродукция картин А. Дейнеки.	
На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова.	
На 4-й странице обложки «Сказки читателей театра теней». Рис. Л. Московского.	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Турчин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая.
Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 01.10.85. Подписано к печати 19.11.85. М-17760. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,71. Тираж 60 000. Заказ № 199. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следопыт, или Тропинка в лес

летом. Зимой...?.. к жилью
жиётся, поживу на задворках
ищет.

2. А это...?..
она тоже осед-
лая и тоже
всю зиму у че-
ловеческого
жилья кру-
тится, прове-
ряет, что пло-
хо лежит.

не хрюкает ли где подбитый за-
яц? Это...?.., он на лёгкую добы-
чу надеется.

4. А эта птица не
оседлая, а кочующая. Она у
нас только осенью появляется
и кочует по лесу. А называет-
ся...?.. или...?.. Потому что
очень эти орешки любит и жи-
вёт там, где они растут. А у
нас появляется тогда, когда
в её родных лесах неурожай
на орешки.

1. Перелётные
птицы на ко-
злетели, ос-
тались в лесу
одни оседлые,
что живут в
нём и зимой и
летом. Всю зи-
му попадает на
глаза...?..
Даже чаще, чем
летом. Зимой...?.. к жилью
жиётся, поживу на задворках
ищет.

3. Эту большую
чёрную птицу
чаще в небе
видишь, чем на
земле. Летит
не спеша и вы-
шаривает с вы-
соты, не разде-
ляются ли где
охотники леса,

6-3

ТЕАТР ТЕНЕЙ

СКАЗКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИНДЕКС 73735 ЦЕНА 20 коп.